

Дарья Калинина

Серийный бабник

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Александровна Калинина

Серийный бабник

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161455

Серийный бабник: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-20903-3

Аннотация

Зря Иннокентий Павлович воспользовался своим служебным положением, очаровывая Киру. Ужаснувшись его напору, девушка сбежала с места встречи, невзирая на гнев начальства. Однако настойчивый ухажер даже не подумал оскорбиться и уже на следующий день явился чашку чая и коробку конфет. Надо заметить, подаренных Кириным соседом Борисом – весьма очаровательным юношей. Так вот, едва успев проглотить первую конфетку, гость тут же испустил дух. Кроме дотошного следователя, «преступницу» мучают два вопроса: откуда у Бориса взялись отравленные сладости и почему он подарил именно ей? Неужели по принципу «так не доставайся же ты никому»?...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	50
Глава 4	76
Глава 5	96
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Дарья Калинина

Серийный бабник

Глава 1

Порой жизнь оказывается чертовски забавной штукой. Катится себе ровно, словно по накатанной дорожке, а потом – раз! И все! В один прекрасный, ужасный, судьбоносный, кривоносый (называйте, как хотите, ничегошеньки от этого не изменится) миг все переворачивается с ног на голову.

И недаром в старину люди верили, что вся жизнь человека от рождения и до самой смерти записана где-то в небесной канцелярии в толстеньких гроссбухах волшебными чернилами. Как там написано, так тому и быть. Сам человек может хоть в лепешку разбиться, но коли написано ему на роду умереть аптекарем, не будет ему пути и счастья, даже стань он архиепископом. Станет бедолагу воротить от запаха ладана, а по ночам будут сниться бланки рецептов и коробочки с аспирином.

Но это, так сказать, крайность. Обычно судьба столь радикального отклонения от намеченного курса просто не допускает. И к каждому человеку из той же небесной канцелярии приставлено как минимум два наблюдающих, с одной и другой стороны. Следить за тем, чтобы не свернул человек с

предписанной ему дорожки. И двигался бы он по вехам, уже заботливо помеченным там для него.

Этим утром Кира вышла из своего дома, даже не подозревая, что прямиком движется к одной из таких вех. Впрочем, вежа больше напоминала собой раскрытый зев люка, в который Кира, радостно глазевшая в этот момент по сторонам на украшенные золотом и багрянцем клены, и шагнула. Не заметив дыру под ветками и опавшей осенней листвой.

– У-ух! – вырвалось у нее, когда она почувствовала, что под ее левой ногой разверзлась бездна, в которую она и летит. – Ёк!

Это восклицание Кира произнесла, шлепнувшись лицом в сухие листья. Особого ущерба ее здоровью это падение не принесло. Ночь была ветреной, сбывалось штормовое предупреждение. И листьев успело нападать превеликое множество. Так что больно Кире не было. Скорей, мучительно обидно.

Провалиться под землю у нее получилось лишь отчасти. Верхняя часть туловища осталась на поверхности. Но именно сегодня, соблазнившись солнечной погодой, она надела свое новенькое вязаное пальто из очень светлой и пушистой шерсти. И, копошась в листьях, Кира пыталась подсчитать нанесенный ему урон. Подняв рукав, Кира жалобно застонала.

Местами, соприкоснувшись с землей и асфальтом, ее светленькое пальто приобрело серовато-коричневый отте-

нок. И добро бы равномерного окраса. Так нет же! Теперь Кира напоминала расцветкой пегую лошадь. Но столь излюбленный североамериканскими индейцами цвет совершенно не подходил для современной жизни. Во всяком случае для Кириноного пальто точно не подходил.

Кроме того, пошевелив левой ногой, она с удивлением обнаружила, что пятке стало удивительно прохладно и свободно. А вытащив ее с большим трудом наружу, Кира обнаружила, что на ноге нет ничего, кроме бежевого чулка (сорок ден и тонкая вышитая шелком стрелка).

– О, но-о-оу! – простонала Кира почему-то по-английски с явным американским акцентом.

Видимо, в этот момент язык грубоватых примитивных янки, казалось ей, наиболее полно выражает ее мысли.

– Мои туфли! Мои чудесные новенькие туфельки! – И, подняв голову к небу, она взмолилась: – Господи, за что?

Пока Кира вытаскивала себя из люка и отползала в сторону, возле нее появился добрый ангел. Впрочем, его земное обличье больше напоминало зеленоглазого шатена со стильной короткой стрижкой и высветленными кончиками волос, что делало его похожим на ежа, прихорошившегося для свидания с ежихой. Впрочем, природной сексуальности, как мигмом отметила Кира, это у незнакомца не отнимало.

– А я видел, как вы упали! – радостно сообщил он Кире. – Шел вам навстречу. Что у вас тут случилось? А-а-а! Раскрытый люк. Надо же, если бы вы меня не опередили, я бы сва-

лился туда вместо вас.

– Могли бы и поторопиться, – прошипела себе под нос Кира.

Но мужчина ее шипения не расслышал. Его заглушал шумящий в кронах деревьев ветер. Кира тоже прислушалась к ветру и попыталась успокоиться. Ну что она взъелась на красивого парнишу? Это же мужчина! А у них в головах можно найти что угодно, но только не подходящее для каждого конкретного момента.

– А что это вы тут разлеглись? – поинтересовался этот тип у Киры. – Вставайте!

Девушка кинула на него враждебный взгляд. Господи, до чего же трудно относиться с пониманием к людям, когда сама стоишь на четвереньках, а твой новенький туалет, который ты подбирала целую неделю, частично испорчен, а частично вообще утрачен.

– Нужно будет, я еще и в лужу усядусь! – огрызнулась Кира, сама ужасаясь тому, что творит. – Вам-то что?

Такой красавец! Высокий! Широкоплечий! Мечта всех женщин, явно предлагает ей свою помощь. А она вместо того, чтобы упасть ему на шею или, учитывая то положение, которое в данный момент занимала Кира, обвиться вокруг его ног прочной лианой, ворчит и злобствует. Просто кошмар и ужас. А может быть, она превращается в старую деву, которая видит в любом представителе мужской половины человечества заклятого врага? И ясное дело, чем симпатич-

нее представитель, тем опаснее враг.

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове у бедной Киры, замершей все в том же неудобном положении. Но, к ее удивлению, зеленоглазый и иглоголовый все еще стоял возле нее. И уходить никуда не торопился.

– Позвольте, я вам все же помогу, – произнес он.

И, не дожидаясь позволения, одним ловким движением поставил Киру на ноги.

– Ваша туфля...

– Она провалилась в люк, – подтвердила его догадку Кира, довольно ловко балансируя на одной ноге.

Поставить ступню на асфальт она не решалась. Хотя погода была чудесная, но все же на дворе стояла осень. И за ночь асфальт успел основательно охладиться. Ходить по нему в чулках было сомнительным удовольствием.

– Можете постоять одну минуту сами?

– А у меня есть выбор? – не выходя из амплуа вздорной бабенки, огрызнулась Кира.

Мужчина ничего не ответил. Он пошарил глазами вокруг себя. Нашел внушительных размеров сук. И с его помощью извлек из люка упавшую обувь. После этого, все так же стоя на одном колене перед Кирой, надел ей потерянную туфельку. Очень романтично, несмотря на то, что обновка промокла и от нее странно пахло. И все равно Кира расчувствовалась и чуть снова не свалилась, потеряв равновесие.

Но на этот раз упасть ей не дали.

– Скажите, вы тут живете где-то поблизости? – озабоченно глядя на ее перепачканную одежду, спросил незнакомец и, явно опасаясь нарваться на очередную колкость, поспешно добавил: – Не подумайте ничего плохого. Я не собираюсь напрашиваться к вам в гости. Но вам нужно привести себя в порядок. И если хотите, то моя квартира рядом, и она к вашим услугам.

– Не надо, – с достоинством ответила Кира. – Я живу в двух шагах. Но все равно спасибо за предложение.

И так как сказать ей больше было нечего, она двинулась в обратном направлении – к дому. Хорошо еще, что она вышла с большим запасом времени.

– Ну да, еще ничего не потеряно, – пробормотала Кира вполголоса и, бодрясь, добавила: – Не теряй бодрости духа и веры в удачу.

Ведь она сможет дома переодеться, привести себя в порядок. И даже не опоздать. Ах, как здорово, что в самом скверном всегда можно найти крупицу положительного.

Размышляя таким образом, Кира почти дошла до своего подъезда. И тут обнаружила, что ее незванный спаситель идет за ней следом. Вынюхивает, где она живет! Следит! Сейчас она войдет в подъезд, он за ней. Там она поднимется на свой этаж и... Неужели все-таки грабитель? Или он что, решил, будто теперь они хорошие знакомые и он вот так без всякого приглашения идет к ней в гости? И, разумеется, Кира моментально решила пресечь его наглость в корне.

– Вы это зачем за мной идете? – остановившись и резко развернувшись, вперила она в незнакомца суровый взгляд.

– Простите, – смутился мужчина. – Не хотел вас смущать. Так и думал, что вы решите что-нибудь в этом духе. Но так уж получилось, что я тут живу.

И он указал рукой на Кирин подъезд.

– Врете! – немедленно разоблачила его Кира. – Я сама тут живу уже почти...

И вовремя осеклась. Инстинкт врать насчет своего возраста или во всяком случае утаивать его был запрограммирован в каждом гене.

– Сколько себя помню, живу тут, – быстро поправилась она. – А вот вас я сегодня увидела впервые.

– Ну да! Я и живу тут только со вчерашнего дня.

Кирина подозрительность слегка поуменьшилась. Но сдаваться окончательно она не собиралась.

– И у кого это вы квартиру купили?

– Не купил. Снял.

– Все равно! У кого?

– У Галины Степановны.

Кира удивилась и немного успокоилась. Все верно, была в их подъезде женщина по имени Галина Степановна. Она даже жила на Кирином этаже. Имела дочь, которая удачно вышла замуж во Францию. И Галина Степановна в самом деле уже не раз озвучивала идею съездить к любимой доченьке. Как раз около двух недель назад Галина Степановна стала

счастливой бабушкой, и разлука с дочерью стала совершенно непереносима.

– Она уехала к дочери, – словно прочитал Кирины мысли незнакомец. – Помогать той ухаживать за младенцем. И я через наших общих знакомых выпросил разрешения пожить пока в ее квартире.

– Понятно, – пробормотала Кира.

В принципе в рассказе незнакомца не было ничего подозрительного. Да и выглядел он очень даже ничего. Одни его ботинки явно стоили дороже, чем ее собственное, впрочем, теперь безнадежно испорченное пальто. При мысли о пальто Кира забыла про всех прекрасных принцев на свете. И заторопилась к себе.

Незнакомец поднялся вместе с ней. Краем глаза Кира увидела, что он в самом деле открыл дверь квартиры Галины Степановны своим ключом и скрылся за ней. А Кира осталась наедине со своим пальто и котом Фантиком, вышедшим поприветствовать хозяйку. Мордочка у него была удивленная. А увидев, в каком виде вернулась Кира, он совсем человечески вздохнул, посмотрел на Киру скорбным долгим взглядом и молча удалился.

«Глаза бы мои не смотрели на это безобразие! – выражал его колеблющийся из стороны в сторону хвост. – Горе ты мое луковое!»

Итак, не получив ни помощи, ни хотя бы моральной поддержки, Кира осмотрела пальто. Ей сразу же стало ясно, что

пытаться отчистить его нечего и думать. Тащить в химчистку? Но с нее там сдерут больше, чем оно стоило в магазине. И о чем она думала, когда покупала такую марку вещь? Ясно, что она понравилась себе в нем до безумия. Но это еще не основание для подобных глупостей.

Купила бы то самое практичное темно-коричневое или темно-синее, в котором она похожа на медсестру из реанимации после тяжелой смены, и валялась бы в них на здоровье! Купи она практичное пальтецо, так бы и протаскала его пару сезонов, мечтая, чтобы ненавистная вещь куда-нибудь пропала с концами и она могла бы купить что-то повеселей.

Мысли ценные. Но действовать нужно было незамедлительно. Иначе грязь могла высохнуть, въестся в нити, и уж тогда ее оттуда никаким «Доместосом» не выковырять. И Кира напустила в ванну теплой воды, растворила в ней побольше стирального порошка и сунула в нее пальто, решив не обращать внимания на предупреждающую надпись на ярлыке: «Только для сухой чистки!»

Но в конце концов, стирает же она свои вязаные кофты. А чем пальто хуже?

Однако Кире еще пришлось переодеваться. Как назло сломался ноготь и зацепил колготки. И их тоже понадобилось сменить. Швырнув испорченные колготки в помойное ведро, Кира принялась искать новую пару. Таковой в доме не обнаружилось. Только тут Кира вспомнила, что потому и надела ту пару, что она была самой нарядной, дорогой и приберега-

лась исключительно на парадный случай.

Так что вместо коротенькой атласной юбки Кира вынуждена была нацепить брючки, чтобы прикрыть голые ноги. Конечно, можно было домчаться до работы и с голыми ногами. Но Кира и так задерживалась, хотя ходить целый день с голыми ногами холодно.

Но теперь к брюкам не подходила блузка, а к свитерку понадобился новый «бюстик». И конечно, со всеми переодеваниями Кира вспотела. И макияж поплыл. Пришлось и его подправить.

– И как с таким кривым ртом прикажете мужчине соблазнять? – нервно приплясывала Кира перед зеркалом, стараясь нарисовать себе новый рот, соблазнительней старого.

Проблема заключалась в том, что сегодня она должна была выглядеть на все сто или даже сто двадцать. И при этом обольстительно до чертиков, потому что именно сегодня к ним в фирму должен был прийти клиент, собирающийся отправить всех своих сотрудников в количестве двенадцати человек на отдых к морю.

Такой компании, конечно же, полагалась скидка. Но дело было даже не в скидке. А в том, чтобы уговорить довольно прижимистого директора отправиться в один очень и очень привлекательный, но, увы, несколько дороговатый отельчик на турецком побережье Средиземного моря – Мекке отечественного туризма.

Почему именно туда? Да все очень просто. Хозяин этого

отеля еще в самом начале сезона лично пообещал Кире: если она отправит в этом году к нему больше двадцати клиентов, он заплатит премию.

Клиенты по какой-то непонятной причине обходили этот отель стороной. И за всю весну и лето туда удалось пристроить только девять человек. Но если эти двенадцать, да плюс директор – это уже тринадцать, поедут туда, то возжеленная премия окажется в руках у подруг.

– И какая этому нашему директору разница? – возмущалась Леся – подруга и компаньонка Киры. – Один отель или другой. Они все одинаковые!

– Не скажи.

– Ну, в одном бассейн в виде лилии, в другом – восьмеркой. В одном три водяные горки, но зато в другом водяная карусель. Увидишь, съездят его сотрудники, куда мы их отправим. И все равно, кто нормальный человек, тот и вернется довольный. А капризулям, хоть в лепешку ради них расшибись, никогда не угодишь. Тем более за те деньги, которые он собирается на них потратить.

– Этот Иннокентий Павлович мне сам по себе не нравится, – пробовала и Кира покапризничать. – Ну его! Не хочу я с ним кокетничать! Он только говорить начинает, а меня уже подташнивает. Как с ним кокетничать?!

Но подруга Леся, обычно такая мягкая и покладистая, вдруг проявила неожиданное упрямство.

– Нам с тобой нужны деньги! Да что я говорю! Не нам,

фирме они нужны! Мы же задумали в офисе ремонт.

– Да, но говорю же, тошнит меня от него. От этого директора. Тьфу!

– Скажите какие нежности! Он к двенадцати придет. Не ешь ничего на завтрак, если тошнит. И все дела!

Закончила диалог Леся самым весомым аргументом:

– Нам нужно делать ремонт. Так что премия необходима!

Это было правдой. Офис выглядел скромно. Клиенты начинали недовольно морщиться. Надо хотя бы немного оживить антураж. И Кира сдалась.

А вот сейчас безбожно нервничала. Закончив приводить себя в порядок, она подмигнула зеркалу. Оттуда ей ответила улыбкой высокая, стройная девушка с густыми рыжими волосами до плеч, стянутыми светло-зеленой широкой бархатной лентой. Кира специально постаралась подобрать ленту в цвет своих глаз. И угадала. Получилось эффектно.

В общем, даже без юбки Кира была способна поражать воображение мужчин. Выбегая из своей квартиры, она так торопилась, что по сторонам не смотрела. А жаль. Если бы посмотрела, то увидела бы, как из квартиры Галины Степановны высунулась голова ее утреннего спасителя. Он хотел ее окликнуть. Но, увидев, как торопится девушка, передумал. И снова спрятался в квартире. До вечера.

А вечером Кира вернулась к себе домой в самом скверном настроении, какое только можно было себе представить.

Скинула с себя всю одежду и немедленно залезла под горячий душ. Причиной тому был все тот же Иннокентий Павлович – их дорогой клиент. И сейчас Кира очень сожалела, что не сломала сегодня утром ногу. Или бы провалилась в тот люк целиком и сидела бы там себе тихонько. Все лучше, чем ужин в ресторане с противным Иннокентием Павловичем.

Подругам все же удалось заручиться его согласием отправить его и всех сотрудников фирмы именно в тот отель. И на радостях Кира пообещала, что ходит с ним поужинать. Верней, это был даже не ужин, а поздний обед, назначенный на пять часов вечера, потому что к девяти Иннокентию Павловичу нужно было быть дома.

– Обещал жене, что приду не поздно, – пояснил он Кире, приведя девушку в ресторан. – У нашей доченьки третий день подряд что-то с животиком. Нужно поставить ей клизму.

Судя по глубоким морщинам на лице Иннокентия Павловича, пигментным пятнам и лысине, его доченьке должно быть хорошо под тридцать. И уж совсем странно, что он собственноручно будет осуществлять лечение и взрослая женщина ему это позволит. Но оказалось, что доченькой он называет свою собаку. Сучку, разумеется.

– Она у меня медалистка. Медали на каждой выставке берет.

– А какая порода? – опрометчиво поинтересовалась Кира.
– Русская борзая.

После этого последовала лекция примерно на полчаса, посвященная этой старинной породе. Кира успела уныло поковыряться в салатике и сжевать кусочек куриного филе. Впрочем, как оказалось, это была еще лучшая часть вечера. Если бы Кира знала, то постаралась бы разговорить Иннокентия Павловича. Пусть бы даже построил гипотезы по поводу того, что могло явиться причиной недомогания его Эльзы. Так звали собаку.

Конечно, слушать про кишечные паразиты у собак во время десерта не бог весть какое удовольствие. Но Кира готова была его доставить клиенту, коли уж он оказался таким стговорчивым. Подумать только, просмотрел всего полтора десятка каталогов. И все же соизволил остановить свой выбор на том отеле, который они старательно впаривали.

Когда Иннокентий Павлович принялся описывать стул, каким ходит его Эльза по утрам, и кусочки пищи, которые не перевариваются у нее в кишечнике, Кира мысленно принялась подсчитывать, сколько краски им понадобится, чтобы выкрасить стены лично в ее кабинете. Две банки хватит? Или лучше три? И сколько денег на это уйдет.

– И тогда я взял палочку и решил посмотреть.

Им же еще и ламинат необходим!

– А морковь у нее совершенно не усваивается. Это я разглядел совершенно отчетливо.

Под бук! Нет, под яшень.

– И еще какие-то странные вкрапления...

Ах, какая разница, из чего будет ламинат. Тут уже ничего не спасет, даже наборный паркет из самого элитного канадского дуба. Надо было покупать беруши! Но даже к страданиям бедной Эльзы она готова была отнестись с пониманием. Все-таки собачка болеет. Ничего страшного, все живые существа. Но затем Иннокентий Павлович как-то незаметно сменил тему. И начал поглядывать на Киру с большим томлением. Она не сразу осознала причину его внезапно замаслившихся глазок. Девушка поняла, что попала в ловушку, лишь после того, как он полез к ней целоваться.

Они сидели в довольно укромном уголке. Да что там, попросту говоря, в отдельной кабинке. Все столики в этом ресторане были отгорожены друг от друга перегородками, выкрашенными премиленькой кремовой краской и украшенными дешевыми искусственными цветочками. Так что создавалась почти полная иллюзия уединения.

Люди за соседними столиками не видели и не слышали соседей, так как музыка заглушала почти все звуки. Мог помешать только официант. Но этот гад, похоже, был в сговоре со старым сластолюбцем. Недаром, получая от Иннокентия Павловича деньги по счету, парень мерзко осклабился, покосившись на Киру. Наверное, получил чаевые с тем условием, чтобы полчаса не появлялся и не беспокоил клиентов.

Киру даже в жар бросило от гнева. Какое счастье, что она не надела сегодня юбку. И свитер на ней с глухим воротом. Иначе похотливый Иннокентий Павлович, который для сво-

его возраста оказался довольно силен и уже основательно за-
тиснул девушку в самый угол, мог бы получить гораздо боль-
ше, чем заслуживал. А заслуживал он хорошей пощечины.
Но влепить ее у Киры никак не получалось. Ее руки были
плотно прижаты к телу опытным в такого рода шалостях ста-
риканом.

– Что вы себе позволяете?! – пищала Кира.

Но, кажется, ее возмущение еще больше распяляло того.
Еще немного, и застежка на брюках у Киры полетела бы ко
всем чертям. Кричать и звать на помощь, что было бы оправ-
данно в данной ситуации, она стеснялась. И поэтому пошла
на хитрость.

– Дверь! Надо ее закрыть!

– Не беспокойся, дорогая, – пропыхтел Иннокентий Пав-
лович. – Никто не войдет! Тут так не принято.

Ах, вот оно что! Он уже все здешние порядки изучил! Ин-
тересно, скольких доверчивых женщин он сюда приводил. И
потом к девяти к жене, держать маящуюся поносом Эльзу за
лапку. Просто верный муж и преданный отец!

– Все равно! – закапризничала Кира. – Я не смогу рассла-
биться, если дверь будет открыта!

Иннокентий Павлович решил, что может пойти навстречу
дамскому капризу. Тем более что в данном случае он ниче-
го бы ему не стоил. Как он ошибался! Едва он отвернулся,
как Кира резво вскочила с диванчика и, схватив свою сумку,
отпихнула опешившего Иннокентия Павловича в сторону и

промчалась к выходу. Она очень надеялась, что все же в ресторане у похотливого старичка не все схвачено. И ее не задержат на полпути к свободе и не вернут ему обратно в перевязанной ленточкой коробочке с трогательной дарственной надписью:

«Дорогому Иннокентию Павловичу от сотрудников ресторана».

Но нет, Кира вполне благополучно вылетела из ресторана. Никто ее не остановил. И она тут же принялась названивать Лесе.

– Скажи мне честно, Иннокентий Павлович может нам навредить, если очень захочет?

– А он захочет?

– Сдается мне, что да!

Леся недолго помолчала. И наконец заявила, что единственная гадость, которую он может для них сделать, – это не поехать в тур. И потребовать возврата денег. И черт с ним!

Однако, пока она ехала до дома, стирала и развешивала пальто, а потом отмокала в душе под горячими упругими струйками, у нее хватило времени, чтобы немного успокоиться. И из ванной комнаты она вышла почти вменяемой. Но тут же раздался звонок в дверь, и Кира снова забеспокоилась. Ей нарисовалась ужасная картина. За дверью стоит Иннокентий Павлович и жаждет объяснений. И Кира решила: «Не буду открывать!»

Но звонки продолжались. И Кира осторожно подкралась

к двери. В конце концов, не укусит же ее этот противный старикашка через железную дверь!

– Кто там?

– Мы успели познакомиться с вами сегодня утром, – раздался молодой голос с сексуальной хрипотцой.

Ах, какой у него был голос! словно его обладатель несколько часов подряд занимался жаркой любовью, но при этом оставался полон сил и желания. В самом деле очень знакомый голос.

– Я живу в квартире Галины Степановны. Помните меня?

– Конечно!

И Кира, толком не успев сообразить, зачем она это делает, распахнула дверь.

– Ой! Вы принимали ванну? – якобы смутился ее утренний знакомец, хотя его глаза плутовато блестели. – Я вам помешал?

– Нет. Я уже закончила. Проходите!

Парадоксально, но после общения с похотливым морщинистым Иннокентием Павловичем девушка почти с радостью восприняла визит молодого, красивого и, чего уж там стесняться, очаровательного... А кстати, как его зовут?

– Борис! – представился Киру новый знакомый. – Знаете, утром как-то неловко вышло. Мы даже не представились друг другу. И я весь день думал о вас.

Он о ней думал! О!!! Киру словно жаркой волной обдало. Если бы она знала, не стала бы связываться с мерзким

Иннокентием Павловичем. Пусть бы Леся с ним в ресторан и шла, коли это вообще ее идея. Но в то же время краем сознания Кира отметила некую странность. Сегодня будний день. А этот Борис весь день о ней думал. Больше заняться было нечем? Или он вообще не работает? Может быть, он альфонс?

Но Кира тут же отвергла эту мысль. Бесспорно, внешность у Бориса подходящая для подобной профессии. Но при этом он явился к ней в гости не с пустыми руками. Одна рука занята коробкой дорогих шоколадных конфет. А во второй был ликер.

Глазастая Кира даже в полутьме лестничной площадки углядела вкусняшку «Бейлиз». И если у нее еще были какие-то сомнения насчет того, приглашать Бориса к себе или отложить до другого раза, то они тут же развеялись. Глоточек ликера в бокале с колотым льдом до самого края – это самое то, что ей нужно после горячего душа. А лучше не один глоточек, а два или даже... полбутылки.

В общем, едва Борис перешагнул порог ее квартиры, как Кира поняла: он имеет все шансы стать если не лучшим, то самым душевным ее приятелем. Было в его энергетике что-то такое – располагающее к доверию. Кира и сама не заметила, как рассказала Борису про противного Иннокентия Павловича. И Борис вознамерился тут же идти и бить тому физиономию. Никакого уважения к сединам! Но Кира тем не менее была в полном восторге.

– Наконец-то у меня завелся собственный рыцарь! – тошно проворковала она.

А Борис страстно заверил, что только и мечтал о подобном.

– Мне кажется, это мое призвание.

Приятному началу знакомства помешал еще один звонок в дверь. Парочка как раз переместилась на кухню. И Борис собирался открыть ликер. Будь Кирина воля, она бы притворилась глухой. Но к звонку примешался стук в дверь, а потом еще и крики. И не отреагировать Кира уже не могла. Все равно интимная атмосфера от воплей на лестнице развеялась без следа.

Оказалось, что в дверь ломилась Фира Яковлевна, крепенькая и кругленькая словно тумбочка дамочка, Кирина соседка снизу.

– Моетесь?! – свирепо поинтересовалась она у Киры, сверля ту маленькими черными глазками. – Ну, мойтесь, мойтесь!

– А в чем дело?

Кира была ошеломлена. Фира Яковлевна всегда казалась ей образцом хорошего воспитания. Если и делала соседям гадости, то исподтишка. И никогда не опускалась до открытого хамства.

– Вот вы моетесь, а у меня сверху вода льется! С потолка просто всемирный потоп! А ни ковчега, ни Арарата поблизости нет!

До Кире дошло. Она кинулась в ванную. И обнаружила, что на полу словно в плоской квадратной тарелке плещется вода. Очень много теплой воды.

– Откуда она взялась?

Правда выплыла наружу довольно быстро. Вода текла из сливной трубы, которая соединяла ванну и сток между ней и раковиной. Вылезая из чугунной ванны, Кира, естественно, выдернула заглушку и выпустила воду в сток. И большая ее часть теперь вытекла на пол.

– Я сейчас все соберу!

И Кира кинулась собирать воду на полу. Потом понеслась к Фире Яковлевне оценивать размер ущерба. Ущерб был. Это не могла не признать даже Кира. И пришлось подарить дамочке бутылку ликера. Она стояла на столе. И первой повернулась Кире под руку. Конфеты Борис уже распечатал. И их дарить было неловко. А ликер соседка приняла весьма благосклонно. И пообещала, что не станет подавать на Киру в суд. Достаточно, если девушка оплатит ей новый потолок в ванной комнате. И, скажем так, небольшой моральный ущерб в размере трех тысяч рублей.

– За чудные желтоватые разводы, которые только украсили ваши облупившиеся стены? – поразилась Кира, почувствовав острое желание отнять у соседки подаренный той только что ликер. – К тому же их все равно мне предстоит побелить за свой счет. И еще три тысячи? Ну, знаете! Да тогда уж лучше суд!

И ликер этой особе она не оставит! Кира окинула цепким взглядом квартирку Фиры Яковлевны. Но увы, хозяйственная дамочка уже припрятала куда-то бутылку. Во всяком случае на виду она не стояла.

– И что за день такой?!

Рыться в чужих вещах Кире не позволяло воспитание. Поэтому она еще немножко побеседовала с соседкой. И, самую малость хлопнув входной дверью, ушла к себе. Ни о каком романтическом продолжении сегодняшнего вечера она и слышать не хотела. И мечтала только об одном, чтобы он поскорее кончился.

Глава 2

Следующее утро началось с того, что ей позвонила Леся.

– Ты что мне вчера не позвонила?

– Ой! Забыла! У меня тут такое творилось!

И Кира выложила подруге, как «чудно» закончилось ее свидание с Борисом.

– Ну, ты даешь! – произнесла та вместо приветствия. – Обидела клиента, закрутила роман с каким-то красавцем, да еще и затопила соседку. Теперь тебе грозит судебный процесс. Поздравляю. И когда ты только все успеваешь?!

Несмотря на откровенное восхищение, которое слышалось в голосе подруги, Кира была неприятно поражена. Ну да, Леся жила в том же доме, что и сама Кира. Но все же в другом подъезде. И Кира никак не думала, что о ее вчерашних похождениях станет известно всем соседям уже сегодня.

– Не беспокойся, насчет Иннокентия Павловича известно только мне, – успокоила ее Леся. – Кстати, старичок собирался сегодня часикам к трем заехать к нам. И спрашивал тебя.

– Меня?!

– И мне показалось, что у нас еще есть шанс, чтобы отправить его и всю его фирму в кризис.

– Шанс?!

– Смотри, они улетают уже через два дня. Так что тебе

нужно продержаться только сегодня. Завтра он уже не станет возвращать путевки. Слишком много потеряет в цене.

– И что ты от меня хочешь?

– Приходи в офис, – заискивающе попросила ее Леся. – Не бойся, наедине я вас не оставлю. Приклеюсь к тебе намертво!

– И что мы будем делать втроем?

– Напоим его чаем. Послушаем про его собачку. А потом придут наши женихи и...

– Женихи?

У Киры просто глаза на лоб лезли от выкрутасов подруги. Теперь она еще и женихов каких-то мифических приплела. А кому, как не Лесе было знать, что таковых в природе не водилось. Во всяком случае, в настоящее время и способных прийти на выручку – точно не водилось.

– Ну да, двое охранников из «Аннушки».

«Аннушка» – это был магазинчик, располагавшийся по соседству с фирмой подруг.

– И кто придет?

– Помнишь, здоровущий румяный блондин с голубыми глазками. И его приятель.

– А они наши женихи?

– Для Иннокентия Павловича станут ими. Не бойся, у меня все продумано. Они придут и начнут возмущаться, что мы до сих пор не готовы...

– Куда мы должны с ними идти?

– Какая разница?! На концерт, к примеру!

– В три часа дня?

– Ну, хорошо! Не на концерт, так на выставку художественных промыслов деревенских мастеров. На вернисаж! Школьный друг одного из женихов участник или даже устроитель этой выставки, а финансирует ее администрация Ленинградской области.

Это Кире понравилось уже больше. Про выставку Леся хорошо придумала. Но после вчерашних событий вера в альтруизм рода человеческого, и в особенности его мужской половины, в ней почти угасала. И поэтому она поинтересовалась:

– А что ты этим ребятам пообещала взамен?

– Пока ничего.

Это «пока» сильно насторожило Киру. Но возражать Лесе она не осмелилась. В самом деле, вчера она чуть не погубила все дело. И где была ее голова? Ведь спокойно могла бы и не заходить в тот ресторан с Иннокентием Павловичем. Посидели бы на скамеечке в парке. Не барыня. И небось там при людях он не посмел бы к ней приставать. Такие старые греховодники смелые только до тех пор, пока их никто не застукает.

– Да, и прихвати по дороге каких-нибудь конфет или тортик, – предупредила Леся подругу. – К чаю. Будем задабривать старичка.

Взгляд Киры машинально зацепился за вскрытую коробку шоколадных конфет, которые принес ей вчера Борис. По-

сле скандала с Фирой Яковлевной и бессмысленной утраты ликера Кира была в растрепанных чувствах. И свидание они перенесли на другой день. Борис только замазал дыру в трубе. И заверил Киру, что через десять-двенадцать часов ванной можно будет пользоваться без всякого опасения. А потом он ушел.

Но принесенные конфеты галантный Борис забрать с собой наотрез отказался, чем расположил к себе Киру. Она не терпела в кавалерах мелочности и крохоборства. И сейчас Кира решила, что эти конфеты вполне подойдут для угощения Иннокентия Павловича. Сама она конфет не любила. А Борис пусть продолжит ухаживания за ней. И для начала отведет ее в ресторан.

А если даже и вздумает приставать там к ней, с ним она сопротивляться особенно долго не будет. Это уж точно.

Лесин план сработал без сучка без задоринки. Не успел Иннокентий Павлович положить себе в рот первую конфетку и рассказать, как сегодня утром чувствовала себя его Эльза, как в офис ввалились два здоровяка.

– Это вы тут чего? – вытаращил Вадик свои глазки.

Они у него и в самом деле были нежно-голубые. А то, что крохотные – это уж не его вина. В общем и целом, Владик был парнем не вредным. Местами даже славным. Умом, правда, не блистал, образованием тоже. Но нельзя же слишком многого требовать от людей. Голос у него был громкий и

зычный. Плечи широкие. И сейчас они пришлись как нельзя более кстати. Иннокентий Павлович затрепыхался. А Вадим еще и рыкнул:

– Расселись они тут. Чай гоняете с каким-то сморчком! А нас на открытии ждут! Тетка уже третий раз звонила!

Иннокентий Павлович, обозванный сморчком, поперхнулся конфеткой и покраснел.

– Кто этот юноша? – проскрипел он, недоброжелательно глядя на вошедших охранников.

– Мой жених, – поспешно заявила Леся.

Иннокентий Павлович покраснел еще больше.

– В таком случае вам следует объяснить вашему жениху, что с пожилыми людьми в таком тоне не разговаривают.

Вадик столь сложного предложения не понял. Он вообще с трудом воспринимал фразы, в которых было больше трех-четырёх слов. Зато память у него была отличная. И он твердо помнил, о чем договаривался с Лесей. Девушка ему действительно нравилась. И он решил постараться ради нее лучше.

– Я – жених! – заорал он. – А ты кто такой?

Иннокентий Павлович побагровел. И поднялся со стула.

– Ну чего?! – набычился Вадик. – Драться хочешь? Давай, я могу!

Иннокентий Павлович сделал в его сторону один шаг. Но неожиданно побледнел и схватился за свое объемистое пузо.

– Сердце! – простонал он, продолжая держаться за желудок. – Какой хам! Мне плохо!

Подруги встревожились. Надо же, до чего впечатлительный им попался старичок! Его еще и не ударил никто, а он уже за сердце, путая его с желудком, хватается. Впрочем, Иннокентию Павловичу было в самом деле нехорошо. Бледность пришла на смену красноте и разлилась по его лицу. А затем вновь сменилась багрянцем. Но он выглядел жутковато.

– Лекарство! Там! В кармане плаща!

В плаще в самом деле оказалась металлическая трубочка. Кира вытрясла из нее круглую белую таблетку и сунула ее больному. Дала запить и с тревогой наблюдала, как на губах Иннокентия Павловича выступила белая пена.

– Что ты ему дала? – тоже испугалась Леся. – Это упса? Быстрорастворимый аспирин?

– Не похоже!

– Леся, смотри, он дергается!

Конечности Иннокентия Павловича в самом деле начали судорожно подергиваться. И цвет лица у него стал зеленоватым.

– Вызываем «Скорую»!

И Кира схватила телефонную трубку. А перепуганный Вадик помчался по соседним фирмам в надежде найти врача или кого-нибудь, кто бы разобрался в медицине. «Скорая» приехала быстро. Но к ее приезду в офис набилась целая тол-

па народу. Все эти люди набежали, услышав клич Вадика о помощи. И каждый из них искренне полагал, что разбирается в медицине.

Тут был народный целитель, который пытался влить в пострадавшего какой-то сомнительный отвар. Была медсестра со стажем, которая немедленно диагностировала несколько затянувшийся приступ эпилепсии. Остальные присутствующие были любителями. Но и они тоже имели собственный богатый опыт болячек. И охотно делились им с окружающими.

– Всем очистить помещение! – распорядился молодой врач со «Скорой», едва перешагнув порог. – Где пациент?

Больной лежал на полу. И не шевелился. Уже минут пять, как Иннокентий Павлович совершенно затих. Врач выслушал его пульс и печально покачал головой.

– Он мертв!

– Боже! Но сделайте же что-нибудь! – вырвалось у Леси. – Ему в Турцию ехать через два дня!

– Да! Реанимируйте его!

Врач еще ниже наклонился к пострадавшему. А потом кинул по сторонам странный задумчивый взгляд.

– Бесполезно, – произнес он.

– Но у него тур куплен!

– Он никуда не поедет, – покачал головой врач. – И больше того: видите эти синие пятна на коже? А пену возле рта?

Подруги кивнули головами.

– Это не сердечный приступ, – очень серьезно посмотрел на них врач. – Его отравили.

И не успели подруги осознать, чем им лично грозит этот диагноз, как врач строго спросил у них:

– Что он ел или пил перед смертью?

Так как взгляд врача уже остановился на чашках с остывшим чаем на столе, сахарнице и коробке конфет, то отрицать было бы глупо.

– Мы все пили чай с конфетами, – едва слышно пробормотала Леся.

– Чай, значит, – нехорошим голосом повторил врач. – С конфетами? Очень интересно.

Милиция приехала тоже быстро. Подруги не знали, что там им сказал врач по телефону. Но прибывшие менты поглядывали на подруг с большим подозрением. И почти сразу же заявили, что вынуждены задержать обеих девушек до выяснения всех обстоятельств гибели их клиента. Обстоятельства удручающе затянулись. И в результате подруги провели в отделении почти весь день и всю ночь, пытаясь доказать свою невиновность.

Им еще повезло, что следователь им достался симпатичный. Не внешне, нет. Он был лет на десять постарше подруг. В очках. С реденькими светлыми волосиками. Невысокого росточка. Да еще с фамилией Слепокуров. А вот глаза у него были славные. Как-то не верилось, что человек с таким

взглядом способен засадить невинного за решетку.

Тем не менее с оправдательным вердиктом по делу подруг он не торопился. Раз за разом заставляя их повторять свою историю. И всякий раз слушал их с неослабевающим вниманием.

– Послушайте, – твердила Кира, – если бы мы собирались его прикончить, то вызвали бы в другое место. Зачем нам возня с трупом у нас в офисе? И лишний шум?

– Не говоря уж о том, где бы мы раздобыли яд?

– И какой у нас был мотив? Этот человек купил у нас туры для всех своих сотрудников. И в следующем году мог снова прийти к нам.

В словах подруг была логика. Но только не для ментов. Они вцепились в подруг намертво. И вряд ли бы выпустили, если бы не явился отчет экспертов. Пока что поверхностный и заключение не вполне официальное. Но следователя, который беседовал с подругами и одновременно вел диалог с экспертом по телефону, оно повергло почти в шок.

– Как в конфетах? Яд был в конфетах? В тех самых? В коробке? Ты уверен? Ах, уверен. Хм.

И следователь недоуменно покосился на подруг. Те сидели ни живы ни мертвы. Ведь они тоже съели по паре конфеток. Почему же на них яд не подействовал? Или он подействовал, просто более медленно? Но все равно через минуту, час или сутки они точно так же повалятся на пол, забьются в судорогах, а потом у них изо рта пойдет противная белая

пена и они умрут? Ой, как не хочется!

– Гражданин следователь, – прошептала совершенно бледная Леся. – Скажите честно, сколько нам с Кирой осталось? Мы с ней съели по две конфетки. Да слышите вы?!

Но следователь в ответ лишь досадливо потряс головой. Словно отгоняя осеннюю муху.

– Мне кажется, я умираю! – простонала Кира. – У меня руки холодеют!

– А у меня живот уже болит! Врача! Товарищ следователь, помогите. Мы умираем!

Слепокуров покосился на подруг. Но, видимо, их внешний вид не внушил ему опасений. Потому что вместо того, чтобы вызвать врача и вообще стать подругам родной матерью, он продолжал допытывать эксперта.

– Яд содержался в каждой конфете? – уточнил он у него. – Вот как! Что же, это многое объясняет. Спасибо. С меня причитается. Ну, как обычно. Вечерком занесу.

И, положив телефонную трубку, он воззрился на подруг.

– Хватит симулировать, – сурово произнес он. – Вы не умрете!

– Нет?

– По крайней мере не сейчас.

Как ни странно, но подруги ему поверили. Таким голосом с умирающими не разговаривают. Даже если ты следователь со смешной фамилией.

– Где вы взяли коробку с конфетами, которыми угощали

вашего клиента?

– Это подарок.

– От кого?

– Мне сосед принес, – не стала темнить Кира. – То есть не совсем сосед, но так как мы живем в одном доме и на одном этаже, то я эти конфеты у него взяла.

– Если все это правда, то можете считать, что вам феноменально повезло, – задумчиво произнес следователь.

– Почему? Потому что мы не умерли?

– А кстати, почему мы не умерли? На женщин этот яд не действует? Особая разновидность?

– Можно узнать название?

– И где купить?

Следователь фыркнул.

– Чушь какая-то! В плане действия на них отравляющих веществ мужской и женский организмы совершенно идентичны. Женщина, как существо более слабое, поддается быстрее.

– Так почему же мы остались живы? – продолжали настаивать подруги. – Мы ведь тоже ели конфеты из той же коробки!

– Честное слово! Можете и нас на экспертизу отправить.

– Верю, верю, – поморщился следователь. – Но вы брали конфеты с краю. Так?

– Конечно. Деликатно.

– С краешку.

– А ваш знакомый взял из самой серединки.

Леся с Кирой замолчали. Все верно, так и было. Картинка встала перед их глазами как живая. Иннокентий Павлович прямо всю пятерню запустил в коробку. И, перетрогав своими волосатыми пальцами всю сердцевинку, выбрал одну конфетку. И сунул ее в рот. Потом появился Вадик и его приятель. А Иннокентий Павлович почувствовал себя душно.

– В тех конфетах, которые лежали в середине, был яд. Остальные конфеты по краю оставались совершенно безвредными. Никаких посторонних примесей в них экспертам обнаружить не удалось.

Подруги молчали. Это было просто чудовищно.

– Но коробка была в целлофановой обертке! – воскликнула Кира. – Я своими руками ее содрала!

– Тоже мне трудность! Целлофан можно осторожно вскрыть, начинить конфеты ядом, а потом снова заклеить. И коробка, по крайней мере внешне, будет выглядеть как прежде.

– Но зачем?! Зачем Борису было приносить мне отравленные конфеты? Я ведь его едва знала!

– А вот в связи с этим я бы и хотел расспросить у вас побольше об этом молодом человеке.

– О Борисе?

– О нем самом, – кивнул следователь. – Полагаю, что кроме имени у него есть еще телефон и фамилия.

– Наверное, есть. Но я их не знаю.

– Не знаете?

– Нет! Говорю же, мы познакомились с ним совершенно случайно. Я и не думала, что вечером он явится ко мне с ликером и конфетами! Ой!

– Что такое?

– Ликер! – прошептала Кира.

– А что с ним?

– Вдруг он тоже отравлен? А я подарила его Фире Яковлевне. Боже мой! Она решит, что это я нарочно! Чтобы не платить ей за ремонт в ее ванной.

Побледневший следователь придвинул Кире телефон.

– Звоните! И немедленно предупредите вашу соседку, чтобы она в рот не брала этого ликера!

Трясущимися руками Кира набрала номер. Но у соседки никто не отвечал.

– Наверное, уже поздно! – упавшим голосом произнесла Кира. – Она отравилась! И я буду виновата еще и в этой смерти!

Но следователь Слепокуров сдаваться не желал.

– Едем!

И он выдернул подруг из удобных кресел, в которых было так приятно посидеть, особенно после жестких деревянных лавок в отделении, где их допрашивали вначале. По дороге следователь сначала хранил молчание за исключением одного момента, когда ему понадобилось выяснить дорогу. Но

потом он не выдержал и сам обратился к Кире с вопросом:

– Мне нужны данные вашего случайного знакомого, – произнес он. – Что вы знаете о нем кроме того, что его зовут Борис?

– А ничего!

– Как?

– Я про него ничего не знаю! Он поселился в нашем доме в квартире моей соседки. Снял. И все.

– В квартире Фиры Яковлевны? Той самой женщины, которую вы на пару с ним напоили отравленным ликером?

Кира вспыхнула от негодования.

– Ну, знаете! Ничего мы ее не поили! И не у нее он вовсе поселился. Да Фира Яковлевна никогда бы и не пустила к себе в квартиру молодого мужчину. У нее уже лет двадцать ни одного мужчины не было. У нее потому и ремонт не сделан, что сама она не умеет. А мужчины нет. И даже если бы у нее кто-то и был, так все равно ремонт бы делать не стал. Там для целой бригады работы на полгода хватит. Где уж одному мужчине управиться. А уж в ванной она лет двадцать ничего не меняла. А из-за того, что на нее всего-то немножко водичка сверху протекла, она мне такой скандал устроила!

Кира могла говорить на эту тему и дальше. Но Слепокуров ее прервал.

– Я ничего не хочу больше слушать про ваш потоп! Я уже все понял! Расскажите про Бориса. Если не у Фиры Яковлевны, то у кого он поселился?

– У Галины Степановны.

– А ее вы тоже затопили?

– Скажете тоже! Как я могу ее затопить, когда мы с ней на одном этаже живем? Нет, с Галиной Степановной у нас скандал из-за котов вышел.

– Из-за котов? – ошеломленный вываленным на него потоком информации, прошептал следователь.

– Ну да! У нее кошечка была, у меня кот. Он к ней зашел как-то разок, а потом Галина Степановна не знала, куда котятку девать. Ну, и поскандалила со мной немножко. Только мы с ней давно уже помирились.

Последнюю фразу Кира прибавила на всякий случай, чтобы ее не вздумали обвинить еще и в исчезновении Галины Степановны. С этих ментов станется. Пока там старушку во Франции у дочери разыщут! Совсем Кире не хотелось все это время у них под подозрением ходить.

К счастью, подъезжая к дому, Кира увидела Фиру Яковлевну. Живая и здоровая, она выходила из подъезда дома. Вид у нее был залихватский и одновременно угрожающий. Словно у тяжелого шара для боулинга, на который Фира Яковлевна походила буквально всем. Ручки и ножки у нее были крохотные. А тельце упругое и кругленькое. Обычно она носила сильно обтягивающие трикотажные костюмы. Зимой темных тонов, а летом светлые. И катилась она по дорожке целенаправленно и неустрашимо.

Но сегодня она принарядилась. На ней было длинное

пальто, почти волочащееся по земле. На голове красовалась кокетливая шляпка с темной вуалью. А в руках она держала букет хризантем, тщательно завернутый в бумажку.

– Кирочка! – расплылась она в улыбке такой же фальшивой, как и блеск брильянтового перстня на ее безымянном пальце.

– Фира Яковлевна! Помните тот ликер, который я вам вчера отдала?

– Чудесная вещь, Кирочка. Спасибо тебе большое. Я его уже весь выпила!

– Выпили?!

У Киры даже дыхание перехватило. А Фира Яковлевна задорно рассмеялась и подмигнула почему-то следователю.

– Я такая лакомка! А ликер был просто феноменально вкусным. Я увлеклась. И приговорила за вечер всю бутылочку.

– Вы его выпили? – машинально повторила Кира. – И вы живы?

Выходит, яда в бутылке не было? Черт!

– А куда вы направляетесь сейчас?

– У моего брата праздник, – прощebetала Фира Яковлевна. – У него родился мальчик. Мы все так ждали, так ждали этого момента. Так что я хочу поздравить своего дорогого брата с такой радостью.

И она двинулась дальше. Но неожиданно следователь Слепокуров сделал шаг вперед и вырвал из рук женщины пакет.

Тот глухо звякнул. А Фира Яковлевна протестующе взвизгнула:

– Что вы себе позволяете, молодой человек! Я позову милицию! Грабеж! Вы преступник!

Но следователь, не обращая внимания на ее вопли, порылся в пакете и вытащил оттуда темную бутылку с хорошо знакомой этикеткой.

– Мой «Бейлиз»! – ахнула Кира. – Фира Яковлевна, зачем вы обманываете?

– Нет, это другой! То есть это другая бутылка! У меня она была уже куплена! Не ты одна, Кирочка, можешь позволить себе покупать дорогие напитки!

– Не врите! – возмутилась Кира. – Всему дому известно, какая вы скупердяйка! Да вы в магазине хлеб, если только он вчерашний, с пятидесятипроцентной скидкой берете. А все остальные покупают за ту же цену, что и свежий! А когда продавцы видят, что вы к рынку подходите, они свои прилавки закрывают. Лишь бы с вами дела не иметь! Вы же за каждую копейку торгуетесь по полчаса.

– И никакой ликер вы не пили, – подхватила Леся. – И тем более новый не покупали.

– Вы просто когда меня встретили, решили соврать. Испугались, что я у вас ликер назад потребую!

Фира Яковлевна мрачно молчала. Вид у нее был одновременно скорбный и в то же время гордый.

– Хорошо! Очень хорошо! Грабьте! Моему народу не при-

выкать страдать! Мы страдали две тысячи лет и...

– Фира Яковлевна! – воскликнула Леся. – Мы вам другой подарим. Только не плачьте! А этот отдайте. Отдайте, не нужно ни вам, ни вашему брату его пить.

Услышав, что ей возместят утрату, Фира Яковлевна мигом забыла про страдания своего народа. Деловая хватка у нее оказалась гораздо крепче исторической памяти. И в магазине, куда подруги привели соседку, она выбрала бутылку «Хеннесси», при виде цены на которую у Киры вырвалось сдавленное проклятие. Фира Яковлевна выглядела невинной, словно агнец, которого приносят в жертву. Видно, это в самом деле было у нее в крови.

– Это та самая бутылка? – спросил Слепокуров у Киры. – Та, которую принес вам в подарок Борис?

– Да! Видите, тут немного бумага содрана? Это мой кот Фантик постарался. Лапой цапанул.

Следователь кивнул.

– Хорошо. Тогда бутылка отправляется на экспертизу. А мы с вами идем к вашему Борису. Надеюсь, номер квартиры вы хотя бы помните?

Кира помнила. И девушки со следователем поднялись наверх. Кира первой позвонила в дверь Галины Степановны. Но там никто не ответил. Кира позвонила еще. Потом еще и еще. Звонила она минут десять. И наконец ей стало ясно, что в квартире ни единой живой души нет. Нельзя не отреагировать на такой шум.

– Его нет, – сказала она. – Будем ломать дверь?

Слепокуров явно испугался.

– С чего вам такая глупость в голову пришла? Вовсе нет.

– Тогда что?

– Подождем. Помнится, вы мне говорили, что ваша квартира на этом же этаже?

– Да.

– Вот у вас и подождем.

Едва Кира открыла дверь, как ей под ноги бросился дико вопящий комочек шерсти. Слепокуров шарахнулся в угол и схватился за кобуру.

– Остановитесь! Это просто мой Фантик.

– К-какой Фантик? – слегка заикаясь, спросил следователь.

– Мой кот. Я же вам про него говорила!

– Да, да, помню...

Но Кира уже не обращала внимания на следователя, сосредоточившись исключительно на коте.

– Проголодался, бедненький? – сюсюкала она над ним. – Соскучился? Злые дяди держали твою хозяйку. Ни молочка не налили, ни постельки теплой не предложили, ни коньячка глоточек.

Учитывая, что часы показывали десять утра – менты продержали подруг в отделении почти сутки, Кира и Леся, которые пережили не самые приятные часы в своей жизни, дружно решили наплевать на приличия. И оставив Слепокурова

бдеть у дверей квартиры, пошли на кухню варить кофе и снимать стресс коньяком.

Фантик последовать за ними отказался. В его миске еще оставался сухой корм. Так что вопил он не от голода. Просто соскучился по человеческому общению. Но в качестве собеседника он выбрал себе не подруг, а Слепокурова. Во-первых, тот был мужчиной, товарищем. А во-вторых, от него непонятно пахло металлом и еще чем-то необычным. Фантик был от природы ужасно любопытен. И не мог упустить случая, чтобы расширить свой кругозор.

Поэтому он и не пошел с хозяйкой, которая, наспех приняв душ (ванну не рискнула), теперь готовилась к принятию следующего антистрессового средства.

– Хорошо то, что хорошо кончается, – провозгласила Леся тост.

Кира коньяк выпила, но подругу все же осудила:

– Ничего себе ты рассуждаешь! Иннокентий Павлович коньки отбросил, а ты говоришь – хорошо!

– Он не был тем человеком, с кем бы я хотела сохранить отношения.

– Леся!

– Что Леся! Он к тебе приставал! Едва не изнасиловал. И уверена, сделал в своей жизни кучу гадостей.

Кира замерла с поднесенным к губам бокалом коньяка.

– Так, может быть, его за это и наказали? Подсунули мне эти отравленные конфеты, чтобы я угостила ими Иннокен-

тия.

– Чушь! Никто не мог предположить, что ты потащишь их в офис. И уж точно нельзя было угадать, что там в это время будет Иннокентий Павлович.

– Да, верно.

– Ты лучше подумай, кто мог желать смерти тебе лично!

– Мне?!

От удивления у Киры даже коньяк не в то горло попал. Она долго кашляла и кривилась от жгущей боли в горле. Но затем все прошло. И едва она смогла нормально говорить, как сразу же набросилась на Лесю:

– С чего ты взяла, что убить хотели меня?

– Но отравленные конфеты подарили тебе?

– Ну да.

– Этого Бориса ты никогда прежде не встречала?

– Нет.

– Сказать, кто он такой и откуда, тоже не можешь?

– Мы не успели познакомиться толком. Сначала эта история с падением, потом Фира с потопом и...

– А вот кстати! – перебила ее Леся.

– Потоп кстати?

– Да не потоп! Люк!

– А что с люком? Самый обычный канализационный люк.

– Но почему он был открыт?

Кира пожала плечами.

– Ну, был открыт, и все тут.

– Вовсе и не все! – воскликнула Леся. – Между прочим, люки сами по себе не открываются. И ветками и листвой не маскируются. Нету у них, понимаешь ли, такой привычки.

– И ты думаешь?.. Думаешь, что люк был открыт не просто так?

– Да! Это подстроенная ловушка!

– Но я никому не сделала ничего плохого!

– Подумай лучше! Может быть, женщина?

– Что-о? – вытаращила на нее глаза Кира.

– Обиженная женщина, я имею в виду, – быстро поправилась Леся. – Вспомни, отбила ты у кого-нибудь в последнее время мужика?

– Ни в последнее, ни в предпоследнее я никого не отбивала. Будто бы ты не знаешь, что я с женатыми не связываюсь.

– Может быть, он не был женат? Просто встречался с девушкой, потом познакомился с тобой, ту прежнюю бросил. А она затаила на тебя зло.

Кира недоуменно покачала головой. И отвернулась к плите, где покрывался густой пышной пенкой закипающий кофе. Ну, бывало, что мужчины уходили к ней, порвав отношения с прежней любовницей. Так ведь такое со всеми случается.

– По-твоему, если от меня мужчина ушел, то я помчусь убивать его новую пассию? – пожала Кира плечами.

– Ты – нет! А другие – вполне!

– Не думаю. В любом случае сначала нужно попытаться

договориться миром. А мне никто подобных претензий не озвучивал. Не говоря уж о том, что у меня сейчас никого нет.

– Знаю.

В это время из прихожей, где нес вахту Слепокуров, слышался его голос:

– Девчонки, а можно и мне кофейку?! А то он у вас так одуряюще пахнет, что я тут прямо умираю.

Переглянувшись, подружки плеснули в большую кружку кофе, добавили в нее порядочную порцию коньяка, насыпали корицы и добавили лимон.

– Ой! – воскликнул Слепокуров, обжегшись горячим напитком. – Как вкусно!

Выпив сдобренный коньяком кофе, следователь и в самом деле изрядно подобрел. И даже начал заигрывать с Фантиком, который, казалось, полюбил этого странно пахнущего дядьку с первого взгляда. И теперь сидел возле его ног, изображая полнейшее равнодушие, а на самом деле дожидаясь внимания и ласки. И ведь дождался! На голодный желудок следователя быстро развезло.

– Какой чудесный котик! – просиял пьяненький Слепокуров, обнаружив, что Фантик трется о его брюки. – Что это за порода?

Вопрос поставил Киру в тупик. С одной стороны, Фантик выступал как основной производитель для новой кошачьей породы, выведением которой занималась одна славная, хотя и малость помешавшаяся на кошках женщина. Но с другой

стороны, порода еще только выводилась. И никакого официального признания, а тем более названия, не имела.

– Сиамская дикая, – наконец произнесла Кира.

Но следователь был удовлетворен.

– Ишь ты! – почесывая Фантика за ухом, растроганно произнес он. – Породистый какой!

Внезапно Фантик насторожился, повернув голову в сторону входной двери.

– Тихо! – прошептал Слепокуров. – Там кто-то идет.

– Вообще-то там лестница, – ядовито заметила Кира. – Было бы странно, если бы там никто не ходил.

Следователь метнул на нее сердитый взгляд, приказывая замолчать. Чтобы не ссориться, Кира замолчала. И тоже прислушалась. По лестнице в это время и в самом деле поднимались. Судя по тяжелому дыханию и охам, человеку приходилось нелегко. Затем в соседней двери заскрежетал ключ. Слепокуров вопросительно посмотрел на Киру. И она кивнула. Ключ скрипел в двери квартиры Галины Степановны. В той самой, где поселился мерзавец Борис.

Убедившись в том, что он был прав, Слепокуров даже зарумянился. Потом достал пистолет и, распахнув дверь, выскочил на площадку.

– Ни с места! – закричал он. – Милиция! Руки вверх!

Ответом ему был истошный женский крик. И звук падения чего-то тяжелого.

Глава 3

Когда испуганные подруги тоже выскочили на лестницу, их взгляду представилась следующая картина. Слепокуров стоял с изумленным и каким-то растерянным видом. Пушка в его руке была опущена вниз. А сам он таращился на пожилую полную женщину, которая улеглась на полу в глубоком обмороке.

– Это же Галина Степановна! – закричала Кира, бросаясь к своей соседке. – Хозяйка квартиры! Что вы с ней сделали, изверг?

– Откуда же я знал, что это она? Я же думал, что это подзреваемый явился.

Но затем Слепокурову надоело виновато разводить руками и мямлить. Он опомнился. И в свою очередь бросился в наступление:

– Что это такое? Вы же сказали, что ваша соседка уехала во Францию! Почему же она тогда тут?

– Отстаньте от меня! – буркнула в ответ Кира. – Откуда я знаю? Лучше помогите мне привести ее в чувство. У нее и спросите.

С помощью Слепокурова, который стоял в сторонке и давал дельные советы, подругам в самом деле удалось привести женщину в более или менее нормальное состояние. И если вначале она еще испуганно косилась на Слепокурова, то,

посмотрев на его удостоверение и убедившись, что он в самом деле из милиции, как и представился, она окончательно повеселела.

– Ох, и напугали ж вы меня! – утирая полной рукой пот со лба, говорила она. – Представьте, лифт не работает, вещи тяжеленные. Пока дошла, давление подскочило. А тут еще из соседской квартиры вылетают и угрожают убить.

– Я приказал всего лишь поднять руки.

– А мне, молодой человек, без разницы, – отмахнулась от Слепокурова женщина. – Я в такие минуты не разбираю, что мне там говорят. Вижу опасность – и сразу отключаюсь. Ничего с собой поделывать не могу. Организм так реагирует.

Кира с Лесей помогли соседке подняться на ноги. Слепокуров на всякий случай держался от нее подальше.

– Скажите, – спросила Кира у соседки, – а где ваш жилец?

– Кто? – изумилась Галина Степановна.

– Молодой человек – Борис. Он снял у вас квартиру на то время, пока вы гостили во Франции. У дочери.

– У Наташки? Но я там не была! Кира, с чего ты взяла, что я во Франции?

Подруги покосились на чемодан и сумки, которые Галина Степановна приперла к дверям своей квартиры.

– Это я к подруге в деревню на несколько дней ездила, – поймав их взгляды, объяснила Галина Степановна. – Она мне сала и ветчины с собой дала. У домашнего-то мяса вкус совсем другой. И щи с домашней свининкой – это же вкус-

нотища! Я целую кастрюлю скушать в один присест могу. А уж если шкварок натоплю да картошечки с лучком поджарю, м-м-м... Объедение. – И, вынырнув из омута гастрономических пристрастий, она со стеснительной улыбкой произнесла: – Признаюсь, грешна, люблю вкусно покушать. Столько всего в деревне набрала, еле от вокзала доперла. Там-то меня племянник подруги на поезд посадил. А тут... Видите, какие сумищи?

Она открыла дверь и вошла в квартиру. Ошеломленные подруги вошли следом за ней.

– Галина Степановна, вы точно уверены, что не пускали к себе жильца?

– С какой стати? Я всего на несколько дней уезжала. Вот в следующем месяце поеду к Наташке. Тогда и подумаю насчет жильцов. Да и то не уверена, нужно ли? Наследят в доме. Напачкают. Ремонт потом делать придется.

Ее слова навели подруг на мысль. Находясь в этой квартире, Борис не мог не оставить следов. И как знать, вдруг по ним можно вычислить его личность.

– Галина Степановна, вы все же посмотрите, что у вас в квартире не так, – попросила соседку Кира.

Галина Степановна вместе с подругами осмотрела квартиру. Вначале кухню. Но не нашла в ней ничего необычного.

– Разве что столовые приборы в ящике не так лежат, – заметила она. – Я никогда вилки вниз зубчиками не кладу. И ложку всегда так устраиваю, чтобы она выгнутой стороной

вверх была. Так пыль и разные мусоринки меньше скапливаются.

– Посмотрите еще, – предложил ей Слепокуров.

Галина Степановна кивнула. Но приступила к осмотру, только устроив привезенное с собой мясо в холодильнике. Похоже, она не слишком поверила словам Киры о том, что в ее квартире во время ее отсутствия находился посторонний. Но, забравшись в холодильник, она неожиданно замерла. И с видимым интересом посмотрела на кусок сыра, колбасную нарезку и пакет томатного сока. Рядом с ними лежал и хлеб для тостов, который тоже удостоился внимательного изучения.

– Странно, – наконец выбравшись из холодильника, задумчиво произнесла женщина. – Никогда не покупаю такой. Зачем он мне? У меня и тостера нету.

И закрыв дверь холодильника, она изумленно посмотрела на своих гостей.

– Похоже, у меня в квартире в самом деле кто-то побывал.

– Вот! – обрадовалась Кира. – А я что говорила!

– Пойдемте дальше!

Они прошли в гостиную. И Галина Степановна ахнула.

– Какой беспорядок!

– Где? Где? – заволновались подруги, вертя головами во все стороны.

Но сколько ни присматривались, так и не сумели заметить какого-то особого беспорядка. На их взгляд, в квартире было

безукоризненно чисто. Во всяком случае, если сравнивать с их собственными квартирами, тут было просто стерильно. Но, кажется, у Галины Степановны было свое мнение.

– Столик сдвинут с центра почти на полметра вправо! Видите, узор на ковре оказался в стороне? И журналы разбросаны как попало. А должны лежать по номерам. И кто-то переставил мои цветы. И трогал диски. И книги!

А войдя в спальню, Галина Степановна схватилась за сердце.

– Господи боже! – возвестила она таким голосом, что подруги и Слепокуров метнулись к ней, ожидая увидеть нечто ужасное, например, труп Бориса.

Но никакого трупа в спальне не было. Была лишь смятая постель. И одинокий мужской тапочек, который высовывался из-под нее. Тем не менее Галина Степановна так побледнела и с таким ужасом смотрела на этот тапочек, что Слепокуров счел за лучшее его поднять. И убрать с глаз подальше. Вытаскивая тапочек, он машинально заглянул под кровать.

– Ого! – произнес он. – Интересно!

Из-под кровати он извлек борсетку. Она была небольшая. Очень элегантная. Из мягкой темно-серой кожи. Дорогая на вид и при этом совершенно пустая. В этом Слепокуров убедился, лично пошарив по отделениям. Он даже потряс раскрытой борсеткой, надеясь, что из нее что-то вывалится. Но нет. Ни клочка бумажки, ни дисконтной карты, ни талончика на бензин. Ничего!

– Галина Степановна, – обратился он к хозяйке. – Это ваше?

– Не-ет, – задумчиво произнесла она. – Даже в толк не возьму, кто бы у меня мог ее оставить? Разве что Петруша – зять мой? Так не видела я у него такой вещицы. И потом, гостили-то они у меня еще три месяца назад. За это время я раз двадцать уборку делала. И под кроватью протираала.

Самое скверное, что подруги ей поверили. И в том, что касается указанной частоты влажных уборок, сдалось им, Галина Степановна была склонна даже уменьшить свою старательность. Она была такой чистюлей, что с нее вполне стало бы мыть пол в квартире вообще каждый день.

Следователь еще раз внимательно осмотрел борсетку. Сбоку она была немножко испачкана чем-то темно-синим. Похоже, это протекла паста от ручки или нечто вроде того.

– Значит, эту вещь вы видите впервые, – уточнил Слепокуров. – Что-нибудь еще?

– Еще?

– Ну, разобранное постельное белье? Оно ваше?

– Мое собственное!

– Мужской тапок?

– Тоже мой! То есть не лично мой. Но я его специально для зятя, для Пети купила, когда они с Наташкой ко мне приезжали!

– Хм, а когда вы уезжали в деревню, кому вы ключи оставили?

– Соседке. Рите! Они с моей Маргариткой почти тезки. Так что я ее вместе с ключами Ритке оставила.

– Кого?

– Маргаритку!

Кира осторожно подергала явно растерявшегося следователя за рукав.

– Маргаритка – это кошка Галины Степановны. Помните, я вам про нее рассказывала?

– Да? Нет, не помню.

– Ну, она и мой Фантик... Потом котятка. Помните?

– А! Вспомнил!

И, повернувшись к Галине Степановне, следователь произнес:

– Хорошо. Маргаритка – это ваша кошка. И у кого она сейчас вместе с ключами от квартиры должна находиться?

– Да у Риты же!

Кира сочла необходимым продолжить разъяснительную работу со Слепокуровым.

– А Рита – это одна старушенция, приятельница Галины Степановны. Живет этажом ниже. Подо мной Фира Яковлевна. А под Галиной Степановной – ее приятельница – Рита.

– Немедленно идем к ней!

Пока они спускались вниз по лестнице (лифт по-прежнему не работал), Слепокуров успел выведать у Галины Степановны, что третий и последний дубликат ключей от ее квартиры есть у дочери. Но так как последняя живет во Франции,

родила ребенка, то маловероятно, что она занялась тем, что подсеяла в квартиру матери жильцов, да еще не поставив в известность саму Галину Степановну.

– А ваша приятельница, значит, могла так поступить?

– Ритка – эксцентричная личность, – пропыхтела Галина Степановна, которую щи с домашней свининкой и картошечка со шкварками довели до такой степени тучности, что даже спуск по лестнице на два пролета давался ей с трудом. – Одно слово, артистка.

Существо, которое открыло им дверь, попыхивая тонкой сигареткой, было полной противоположностью Галине Степановне. Ростом и телосложением Рита Леопольдовна напоминала тщедушного подростка. И, стоя к собеседнику спиной, легко за него сходила. Лишь лицо выдавало, что она уже перешагнула полувековой рубеж. И перешагнула его, судя по всем внешним признакам, давно.

Но при этом Рита Леопольдовна отличалась горячим темпераментом, до сих пор часто меняла любовников, многие из которых годились ей в сыновья. И требовала, чтобы все соседи, начиная от сынишки Ливневых, которому исполнилось три годика, он немного отставал в развитии и с трудом выговаривал самые простые слова, и до старика Потапова, который в прошлом году отпраздновал свой девяносто пятый день рождения и вообще почти ничего не говорил, а только шамкал, звали бы ее по имени.

Это было легче сделать, чем переубедить Риту в нелепо-

сти этого требования. И потому все звали ее просто – Рита.

– Галочка! – просияла актриса, выпустив в лицо гостям облачко душистого дыма. – Ты вернулась!

Одета Рита была в тонкий шелковый пеньюар. А приличия соблюдала тем, что грудь и шею ее окутывало пышное боа из меха неизвестного животного, крашенного в ядовито-розовый цвет. Несмотря на то, что она явно никого к себе не ждала, ее лицо было покрыто толстым слоем тонального крема, пудры и румян. Ресницы круто загибались вверх. А губы влажно блестели, покрытые слоем дорогой помады.

Отступив назад, она картинно вскинула голову.

– Галочка, а кто это пожаловал с тобой?

Дело происходило в кухне пожилой актрисы. Она была невелика. И не расслышать вопроса подруги Галина Степановна не могла. Просто ответить на него она не успела, так как в это время из комнаты появилась толстая пушистая кошка.

Она была красивого голубовато-серого оттенка с едва заметными полосками на лапках и голове. При виде нее Галина Степановна в один момент забыла обо всем, в том числе и о цели своего визита к соседке. И, раскрыв объятия, закричала:

– Маргаритка! Иди сюда, моя кисонька!

Но кошка лишь махнула хвостом и гордо удалилась, демонстрируя, что она думает о хозяевах, которые оставляют своих любимиц наедине с сумасшедшими старухами, кото-

рые еще и дымят как паровозы и водят к себе мужчин куда моложе себя. Галина Степановна растерянно смотрела вслед своей Маргаритке. И на глазах у нее выступили слезы.

– Почему она так со мной? – шептала женщина.

Все ее мысли были посвящены капризнице. И поэтому она не обратила никакого внимания на вопрос Риты, который та задала ей:

– Ты уже была у себя дома? Уверена, что была. И как тебе понравился мой подарок?

Галина Степановна не отреагировала. Зато Слепокуров несказанно оживился при этих словах Риты:

– Подарок? Что вы называете подарком? Объясните!

Рита повернулась в его сторону. Смерила его невысокую фигуру оценивающим взглядом и презрительно прищурилась. Нет, Слепокуров был явно не в ее вкусе. Так что тратить свое обаяние на столь невзрачную особь, пусть даже и мужского пола, было бы бессмысленным расточительством сил и энергии. Ничего не ответив следователю, она молча развернулась к подруге.

– Как он тебе понравился? – повторила она свой вопрос. – Правда, он очаровашка?

На этот раз Галина Степановна услышала ее и поинтересовалась:

– О ком ты говоришь?

– Да о Борюсике же! – радостно взвизгнула Рита. – Правда, он милашка? Нет, не благодари меня! Знаю, знаю, я про-

сто чудо. Но для своих подруг я готова и не на такое!

Галина Степановна слушала ее, отвесив челюсть.

– Рита? Ты что говоришь?

– Борюсику негде было жить! А ты в последнее время женщина у нас одинокая. Вот я и подумала, что вдвоем вам будет веселей.

– Ты поселила ко мне молодого человека?

– Ну да!

– Без моего ведома и разрешения? И мало того, даже не спросив, хочу ли я, чтобы он у меня жил?

Рита надулась.

– Так я и знала, что ты все истолкуешь превратно. Знаешь, Галочка, я тебе прямо скажу. На тебя не угодишь!

– Я не просила мне угождать!

– Но ты намекала, что не отказалась бы разделить с кем-нибудь свой кров.

– Я?!

– Конечно. Разве не ты жаловалась, что в последнее время тебе одиноко? И даже Маргаритка не спасает?

– Я тосковала по дочери! Они с Пьером уехали. И мне действительно в первое время было не по себе. Но я тосковала вовсе не о каком-то случайном и малознакомом мужчине, который бы вдруг взял да и поселился в моей квартире!

– При чем тут дочь! – фыркнула Рита. – Не обманывай саму себя! Тебе просто был нужен мужчина. И я тебе его нашла! Ты с ним познакомься получше, прежде чем жаловать-

ся.

– Нет. Я не буду с ним знакомиться! И еще не известно, может быть, он вор какой-нибудь!

– Он не вор!

– Да? А почему же им тогда милиция интересуется?

И Галина Степановна победоносным жестом вскинула палец в сторону Слепокурова. Рита снова развернулась в его сторону. Но на этот раз она проявила к следователю больший интерес. Во всяком случае заговорила с ним.

– Милиция? – вопросительно изогнула она тонко выщипанную бровь.

– Да.

– Очень хорошо, что вы пришли! – решительно кивнула Рита. – Вы должны помочь.

– Буду рад.

– Правда, Борюсик не позволил мне обратиться к вам за помощью, – слегка засомневалась старушка. – Но раз уж вы сами пришли, то я рада! Выслушайте меня!

Слепокуров заверил, что он весь одно сплошное внимание.

– Вы должны спасти Борюсика. Мальчику грозит опасность.

И прежде чем Слепокуров успел вымолвить хоть звук, она воскликнула:

– Его хотят убить!

Следом за этим в комнате воцарилась тишина. Каждый

обдумывал слова Риты. И первым, как и полагается профессионалу, на них отреагировал следователь:

– С чего вы это взяли? Кто вам рассказал?

– Да Борюсик сам и рассказал! – И, повернувшись к подруге, она продолжила: – И не бойся, Галочка, я тебе уже говорила, он не вор. Мальчик из очень приличной и, не побоюсь этого слова, богатой семьи. Просто он попал в затруднительное положение. Ему совершенно не к кому было обратиться за помощью. А в моем лице он нашел свое спасение. Я помогла ему найти безопасное пристанище, а теперь и защиту.

– Не вор? Из приличной семьи? Ритка, ты что, с ним все-таки знакома?

– Естественно! – величественно кивнула актриса. – Не думаешь же ты, что я могла подселить к тебе какого-то сомнительного оборванца с улицы?

– И где ты с ним познакомилась?

– У нас в театре.

Но Галина Степановна не торопилась радоваться. Видно, она хорошо изучила нрав своей приятельницы. И потому строго спросила:

– И давно вы с ним знакомы?

Рита слегка стушевалась.

– Какое это имеет значение? Для двух душ иногда и одного мгновения бывает достаточно, чтобы узнать и понять друг друга.

Но Галина Степановна на эту сентиментальную галиматю не повелась.

– Сколько вы знакомы?

– Это что, допрос?

Рита была возмущена. И Слепокурову пришлось взять инициативу на себя.

– Ну что вы! – вежливо произнес он. – Это еще не допрос. Допрос может состояться только в кабинете следователя. То есть в моем кабинете. А это просто беседа. Но если вы не будете отвечать, то поедете со мной. И ответите уже там.

– А в чем дело?

– Дело в том, что ваш знакомый угостил отравленными конфетами вот эту девушку. Она в свою очередь угостила ими еще одного человека. И в результате появился труп. И только благодаря чудесному стечению обстоятельств труп оказался всего один.

– Я ничего не понимаю. Какой труп? Какие конфеты? При чем тут Борис?

– Это мы и хотели бы выяснить, – сказал следователь.

– Так спросите у него!

– Мы бы спросили. Но где его искать?

– Так у Галочки он живет! – недовольно воскликнула Рита. – Я же вам говорила, мальчику грозит опасность. Показаться на улице для него означает лишний раз подвергнуться риску. Так что он никуда не ходит. И даже в магазин за продуктами я для него ходила.

– Тем не менее сейчас его в гостях у вашей подружки уже нет, – произнес следователь.

– Нет? Как нет? Куда же он ушел?

– Вот это мы бы и хотели у вас узнать.

Рита изрядно переполошилась.

– Но я же ничего, совершенно ничего про него не знаю!

– Вы только что утверждали обратное.

– Ну да, он рассказал мне свою историю. Как его преследуют с целью убить. Но я так понимаю, вас же интересует его настоящий адрес, фамилия или на худой конец номер телефона?

– Да.

– А ничего этого я у него не спросила.

– Почему?

– А зачем?

Галина Степановна плюхнулась на тонконогую табуреточку, которая затрещала под ее упитанным телом.

– Ритка, ты меня в могилу вгонишь! Ты что же, все-таки пустила жить ко мне парня, про которого ни черта толком не знаешь?

– Я знаю его историю!

– И что это за история? – поинтересовался Слепокуров.

– Пожалуйста! – с видом глубоко оскорбленного и не понятого своими современниками человека произнесла актриса.

Для усиления эффекта она картинно закинула боа вторым

кольцом на шею и прислонилась к стене, словно в задумчивости слегка прикрыв свои большие глаза с тонкими веками. Если выкинуть из ее речи все поэтические сравнения и образы, то суть сводилась к следующему. Молодого человека, представившегося ей Борисом, она знала около месяца. Он был частым посетителем театра, в котором пожилая актриса была занята в нескольких спектаклях.

За кулисами молодой человек также появлялся частенько. И обычно в компании одного из режиссеров театра. Видимо, его закадычного друга. Молодые актриски приветствовали эту парочку. Борис был неизменно щедр, хотя постоянством к своим избранницам и не отличался. Его подружки менялись от одного спектакля к другому. Но никто из них не был в претензии на молодого человека, понимая, что такого ветреника одним красивым лицом и телом не удержать.

Чтобы он остепенился и остановился, нужно было предложить ему нечто большее. В первую очередь заботу и преданность, на что актриски не были способны. Вот они весело и бездумно просто проводили время в компании Бориса. И не особенно расстраивались, когда это время приходило для других девушек.

Но примерно неделю назад Рита заметила, что Борис появился у них в театре в состоянии крайней тревоги и озабоченности.

– Я столкнулась с ним у служебного входа. И была поражена его видом. Всегда безукоризненно уложенные волосы Бо-

рюсика были всклокочены. На щеке красовалась здоровенная ссадина. А рукав его шикарного кашемирового пальто был испачкан какой-то ржавчиной, порван, и из него торчали лохмотья...

Будучи человеком впечатлительным и эмоциональным, Рита всполошилась.

– Борис! Что с вами произошло?! – воскликнула она, не обращая внимания на то, что с молодым человеком она толком знакома не была.

Но театральные люди на такие вещи смотрят проще. Да и юноша годился Рите в сыновья, если не во внуки. Так что она разводить лишние церемонии не стала, а ему явно не терпелось поделиться своей бедой. И он рассказал Рите, что произошло с ним буквально несколько минут назад, по дороге в театр.

– Шел, никого не трогал, проходил как раз мимо того дома, в котором облицовывают фасад. Знаете?

– Конечно!

– Так вот, я иду, а со строительных лесов вдруг срывается гранитная глыба. И летит вниз.

– О!

– Она пролетела буквально в сантиметре от меня. Слава богу, что не задела!

– Как же не задела? Но вы ранены!

– Из нее еще такие ржавые штыри торчали, вроде арматуры, – схватившись за щеку, произнес Борис. – Ими меня и

поцарапало. Но честное слово, это пустяки. Вот если бы сама глыба хоть краем задела, тогда бы мы с вами тут не разговаривали.

Рита поахала, поахала. И забыла об этом разговоре. Вернее, могла забыть, если бы буквально на следующий день не стала свидетельницей нового инцидента, когда Борис выжил только благодаря своему феноменальному чутью или везению.

– Называйте это как хотите, но дело было так.

По дороге к театру есть узкий переулочек, в котором трудно разъехаться даже двум легковым машинам. А когда туда сворачивает машина чуть шире маршрутного такси, сразу же возникают проблемы. Переулочек очень темный и неудобный. Сама Рита ходить там избегает. Но это самая короткая дорога к театру. И когда плохая погода или Рита чувствует себя неважно, она все же пересиливает себя. Вот и в тот день она пошла по неприятной, зато короткой дороге.

– Бориса я увидела сразу же. И ту машину тоже.

В общем, Борис двигался по переулку, не глядя по сторонам. И тут рядом с Ритой просвистело что-то тяжелое, обдав ее брызгами из лужи. Рита возмущенно вскрикнула. Но тут же от ужаса у нее спазм сжал горло. Обдавшая ее грязью машина мчалась прямо на беспечно шагающего Бориса.

– И в самый последний момент, когда я уже прикидывала, когда будут похороны, он что-то такое почувствовал и отпрыгнул в сторону.

Машина-убийца промчалась мимо и исчезла за поворотом.

– Номер вы запомнили?

– Что вы! – кокетливо захихикала актриса. – Я близорука. У нее в устах это прозвучало чем-то вроде бахвальства.

– К тому же, – добавила она, – Борис и другие свидетели этого кошмара потом говорили, что номера на машине были замазаны грязью.

И, выдержав драматическую паузу, Рита понизила голос до зловещего шепота и произнесла:

– А потом Борис признался мне, что его уже не первый раз пытаются убить.

– Что?! – хором воскликнули все.

Рита оглядела своих гостей и затрясла головой в знак того, что сказала чистую правду, ни капельки не приврала и даже готова поклясться чем угодно.

– Он именно так и думал! Потому что, оказывается, на него были и другие покушения. То есть, раньше он принимал их за несчастные случаи. Но потом в него стреляли.

– Стреляли?

– Да, в тот же день, буквально за два часа до того, как он спасся из-под колес машины.

– Кошмар! – произнесла Кира, мигом сопоставив открытую крышку люка и отравленные конфеты.

Наверное, люк и конфеты тоже были приготовлены для устранения Бориса. Хотя, если рассуждать в этом направле-

нии, выходит, что убийцы знали о том, что Борис сменил место жительства. Ну да! Они его снова выследили. И продолжили свои гнусные попытки! Бедный Борис!

– И после того, как в него стреляли, – продолжала Рита, – Борис сопоставил несчастные случаи, которые происходили с ним, а в последнее время так и вовсе следовали один за другим с подозрительной регулярностью, и призадумался. А призадумавшись, испугался. И так как я была человеком, с одной стороны, для него посторонним, но с другой, оказалась отчасти посвященной в его дела, то он открылся мне. И попросил совета, как ему быть дальше.

Галина Степановна насупилась.

– И ты, несчастная, посоветовала ему пожить у меня? Человеку, на которого идет настоящая охота? Спасибо тебе огромное!

– Галочка, как ты можешь так рассуждать? Молодому человеку грозила смертельная опасность.

– Очень скверно! Но я-то тут при чем? И моя квартира? Не обращая больше внимания на подругу, Рита сказала:

– Сначала я решила, что ему надо где-то спрятаться, пересидеть опасное время. Он сам спросил, нет ли у меня на примете какой-нибудь свободной квартиры.

– Что же ты не предложила ему свою?

– Борис – мужчина. Он сам сказал, что если мы будем жить под одной крышей, то это может повредить моей репутации. И тогда я вспомнила, что ты, Галочка, оставила мне

свои ключи. И предложила ему пожить у тебя. – И наконец, виновато посмотрев на подругу, Рита сказала: – Прости, что я не спросила твоего согласия. Но ведь в той глухомани, куда ты забралась, телефона нет. А я была уверена, что ты не будешь против жильца. Что может быть благородней, чем спасти человека от верной смерти?

Галина Степановна уже заметно успокоилась. В изложении Риты ситуация выглядела в ином свете. И в чем-то даже романтично и благородно. И как всякая женщина, Галина Степановна не могла остаться равнодушной к судьбе молодого человека.

– Ладно уж, – буркнула она. – Что сделано, то сделано. Но где твой Борис сейчас, хотела бы я знать? Ни его, ни вещей у меня дома не осталось. Одна пустая борсетка.

– Да что ты говоришь? – расстроилась Рита. – Он ушел? И даже не предупредил меня? Это странно. И даже обидно.

Кажется, она всерьез расстроилась. А расстраиваясь она обычно искала утешения в общении с мужчиной. Так что подруги поторопились увести Слепокурова подальше. Перед этим он еще успел задать Рите несколько вопросов. Но услышал по второму кругу лишь то, что актриса уже рассказала раньше.

– Остается надеяться, что тот режиссер, с которым общался Борис, будет знать о нем больше, – сказал Слепокуров, прощаясь с подругами и отправляясь в театр.

После того, как было выяснено, что в квартире Галины

Степановны в самом деле проживал молодой человек, а Фира Яковлевна подтвердила, что этот же молодой человек, а также бутылка ликера и коробка конфет присутствовали в квартире Киры, когда она явилась туда по поводу протечки, подозрения с Киры и Леси были отчасти сняты.

– Но до окончания выяснения всех обстоятельств этого дела прошу вас не покидать пределы города, – предупредил Слепокуров подруг. – Вы меня поняли?

Девушки поняли его превосходно.

– Если что, они нас с тобой снова притянут, – сказала Кира подруге, когда Слепокуров помчался по делам.

– Что если что?

– Если настоящего преступника не найдут.

– Но при чем тут мы? Преступник охотится за Борисом. Для того и были отравлены конфеты. Это же ясно, как божий день. А Иннокентий Павлович просто пал случайной жертвой. Кстати, если бы он не перелапал все конфеты в середине, я бы тоже взяла оттуда штучку.

– А я обычно всегда беру с краешка, – сказала Кира.

– Тебе везет.

Но Кира как-то в своем везении сомневалась.

– Мне бы повезло, если бы я вообще не знакомилась с Борисом. А теперь еще его проблемы разгребать.

– Зачем?

– Чтобы они окончательно меня под собой не погребли. Ты же сама сказала, не найдут менты настоящего преступни-

ка, могут снова о нас вспомнить.

– И что ты предлагаешь?

– Было бы хорошо встретиться с этим Борисом и выяснить у него, кто ему преподнес конфетки.

Лесе и самой этого хотелось.

– Но как мы это сделаем? Ведь ни адреса, ни его фамилии мы не знаем.

Стоило ей это вымолвить, как словно по заказу раздался деликатный стук в стенку.

– Это Галина Степановна, – встрепенулась Кира. – Что нужно этой старой мымре? Снова Фантик набедокурил с ее Маргариткой?

И подруги в два голоса принялись звать кота. Тот появился из спальни, зевая и откровенно хмурясь. Во всяком случае подруги именно так истолковали мимику на его мордочке.

«Чего вы ко мне пристали с этой Маргариткой? – читалось на ней. – Это давно в прошлом. Теперь у меня есть Фатима и еще внушительный гарем производительниц новой породы. Вы что, забыли?»

– Просто мы подумали, пока Фатима разрешается твоими в высшей степени породистыми котятками в колыбели новой кошачьей породы, вдруг ты решил немного пошататься по прежним подружкам, – пыталась оправдаться перед котом Кира.

Тяжело вздохнув в ответ, мол, одни глупости у тебя, хозяйка, на уме, Фантик раздраженно дернул хвостом и ушел

досыпать.

– Нет, Маргаритка тут явно не при делах, – решила Леся. – Да и то сказать, сколько же невест в данный момент у Фантика?

– То ли десять, то ли уже одиннадцать. Стефанида Петровна совсем помешалась на выведении новой породы. Все таскает и таскает Фантику кошечек. Говорит, что у нее на него большие надежды. Вот он и старается.

– Да уж, до Маргаритки ли ему теперь, бедному.

Тем не менее стук в стену повторился. Галина Степановна жаждала общаться. И подруги, решив, что стоит сходить и узнать, что там происходит, вышли из квартиры. И через несколько секунд уже звонили в дверь соседки.

– Наконец-то! А я вам стучу, стучу. Вы что, не слышите?

– Как услышали, сразу же пришли, – слукавила Кира.

– Надеюсь, своего кота вы надежно заперли?

И женщина с тревогой покосилась на дверь – не прошмыгнул ли там хулиган и растлитель порядочных кошек.

– Не беспокойтесь. Он дома, – заверила ее Кира. – И ему не до глупостей.

– Он участвует в выведении новой кошачьей породы.

– В самом деле?

В голосе соседки слышалось откровенное недоверие. Кажется, в душе она все еще переживала за поруганную честь своей Маргаритки.

– Вы нас позвали, потому что хотели спросить про Фан-

тика? – поинтересовалась у нее Кира.

– Что? Ах, нет. Совсем нет.

– А зачем?

– Да вот, телефончик-то мне ваш следователь не оставил.

– А вам нужен его телефон?

– Может быть, он мне и в самом деле ни к чему, – согласилась женщина. – А то сунуть, так затаскают. То показания им давать, то бумаги подписывать. Жуткие крючкотворы. У меня лет десять назад свояк свидетелем проходил по одной драке. Так, поверите ли, его целый год после той драки в отделение дергали. То против одного показания дать, то против другого. С ним потом все село общаться не хотело. Враг номер один для всех получился. Хотя сам в драке и не участвовал.

Подруги выслушали эту историю не перебивая. Но все равно не поняли, что побудило соседку рассказать им ее.

– Так вы уж, Кирочка, отдайте вашему следователю эти права, – заискивающим тоном закончила та. – Скажите уж, что вы сами их нашли.

– Какие права?

– Да вот они.

И с этими словами Галина Степановна протянула Кире пластиковый квадратик, украшенный цветной фотографией. Это в самом деле были водительские права. Выписанные не на кого-нибудь, а на того самого Бориса, с которым познакомилась, себе на беду, Кира.

– На фотографии он? – шепотом спросила у нее Леся, не сводя глаз с документа.

– Без сомнения.

Едва сдерживая восторг, так и рвущийся наружу, подруги сдержанно поблагодарили Галину Степановну. И, сжимая в руках драгоценный прямоугольник, опрометью кинулись к себе.

Глава 4

Оказавшись дома, они переглянулись. И запрыгали, не скрывая своих чувств.

– Надо позвонить Слепокурову! – воскликнула Леся. – Да?

Кира замерла прямо в полете. И приземлилась на редкость неуклюже, чудом не сломав себе ногу.

– Ты с ума сошла? – поинтересовалась она у подруги, перестав стонать и морщиться от боли в лодыжке. – Зачем нам ему звонить?

– Как же? Расследование и все такое. Это находка для следствия.

– Слепокурову позвонить никогда не поздно, – заявила Кира. – Думаю, вначале мы сами побеседуем с Борисом. Согласуем показания, так сказать. Мне совсем не хочется, чтобы, выгораживая себя, он стал топить меня.

Леся слова подруги ужаснула.

– Думаешь, он может?

– Кто его знает? Вроде бы не должен. Но я общалась с ним в общей сложности около двадцати минут. Согласись, за такой срок трудно вычислить, что человек представляет собой на самом деле.

Леся задумалась. Да, иной раз достаточно минуты, чтобы понять, кто перед тобой. А иного типа, дожив с ним до

«золотой» свадьбы, до конца не раскусишь.

– Значит, мы находим Бориса, разговариваем с ним, а потом уж вместе решаем, как лучше выстроить линию защиты для всех троих?

– Точно!

И Кира кинулась к своему компьютеру. Он стоял у Киры дома, но ни бродилок, ни стрелялок, ничего такого не имел. Играми Кира не увлекалась. Ей вполне хватало реальности, которая то и дело преподносила сюрпризы похлеще всяких там бармаглютов и шарогрызов. Нет, Кира была девушкой серьезной. К выбору новых знакомых относилась без особых иллюзий. И потому различных компьютерных баз данных у нее имелось в избытке.

Начать Кира решила с самой простенькой. С центрального адресного бюро. Бирюков Борис Викторович на весь город оказался только один. Тут же находился его адрес и домашний телефон.

– Очень хорошо! – решила Кира. – С него-то мы и начнем.

Она набрала номер и стала ждать. Наконец ей ответил приятный женский голос. Услышав, что просят Бориса, женщина просто бросила трубку.

– Интересная реакция, – заметила Леся. – Дай я теперь позвоню.

Но и ей не повезло. Впрочем, смотря что считать везением. Если в первый раз женщина просто бросила трубку, то Лесю она еще и обругала.

– Кажется, дамочка нервничает.

– Надо к ней съездить. И лично потолковать!

И подруги отправились в путь. Адрес Бориса у них имелся. А вот уверенности в том, что завтра или даже в ближай-
шие часы они все еще будут на свободе, наоборот, не име-
лось. Так что откладывать визит никак нельзя.

Молодая женщина, которая открыла подругам дверь, вы-
глядела скверно. Можно сказать, совсем скверно. У нее бы-
ли синяки под глазами, которые плавно переходили в блед-
ные щеки. Тонкие редкие волосы. И глаза слегка навекате.
Ломкие ногти и сухая кожа тоже наводили на мысль о боль-
ной щитовидке. Тут не надо было быть медиком, чтобы ди-
агностировать неполадки с железой.

Да и раздражительность, которую продемонстрировала
женщина, тоже была симптоматична. Но вот одеваться она
могла бы и более привлекательно. Не дело таскаться даже по
дому в том линялом тряпье, которое на ней болталось.

– Вам нужен Борис? Так его нет! И не будет!

– Собственно говоря, нам сгодится любой человек, кото-
рый близко его знает.

– Я его знаю! – с некоторым вызовом произнесла женщи-
на.

– Вы?

– Разумеется, знаю, я его жена – Марина.

Подруги были поражены. Им казалось, что они имеют де-

ло в лучшем случае с домработницей. Особенно была поражена Кира. Она-то лично общалась с красавцем Борисом. И вдруг такой крокодил с вытаращенными гляделками, которые даже глазами язык не поворачивался назвать.

– И что его могло побудить жениться на этой страшиле? – обратилась она к подруге, воспользовавшись тем, что хозяйка оставила их на несколько минут одних.

– Мужики все кретины.

И так как хозяйка задерживалась, а просто сидеть было скучно, Леся в свою очередь спросила:

– Помнишь, у нас в школе была учительница математики с базедовой болезнью?

– Нина Семеновна?

– И она все время злилась. По поводу и без кричала на нас?

– Да.

– А все из-за недостатка йода в организме.

– Йодомарина в те времена не было. Пила бы себе по таблеточке. И проблем бы ни у нее, ни у нас не было.

– Но замуж она так и не вышла.

– А эта особа вышла. Как думаешь, они были счастливы с Борисом?

– Шутишь?

Но в это время вернулась хозяйка квартиры. Выглядела она получше. Во всяком случае переделалась. А причесавшись, сразу резко похорошела. Пожалуй, не такая она и

страшная, решили подружки. Просто не следит за собой совсем. Странно.

– Простите, я не поняла, почему вы интересуетесь моим мужем? – произнесла тем временем Марина, нервно закури-
вая.

– Понимаете, его хотят убить.

Кира нарочно выдала эту реплику. Ей хотелось посмотре-
ть, как будет реагировать женщина. Та все же продолжала
курить. Но руки у нее при этом заметно задрожали.

– И кто же? – спросила она, с трудом справившись с сига-
ретой. – Вы и ваша подружка?

– Нет! Что вы! Конечно, нет!

– Тогда я не понимаю... – покачала головой женщина.

– Разве Борис не делился с вами своими проблемами?
Даже посторонние люди знали, что за последние дни на
него было совершено несколько покушений, замаскирован-
ных под несчастные случаи. И один раз в него стреляли.

– Как стреляли?

– Обыкновенно! Пулями!

– Его ранили?! – дернулась женщина. – Он в больнице?

Подружки изумились до крайности. Похоже, жена Бориса
была полностью не в курсе того, что случилось с ее мужем.

– Понимаю, это выглядит по меньшей мере странно, –
горько усмехнулась Марина. – Жена и вдруг не знает, где ее
муж и что с ним. Но дело в том, что последние полгода мы
с мужем практически не виделись. А месяц назад оформили

развод.

– Но вы живете в его квартире!

– Верно, квартира записана на него. Но она была подарена нам его родителями к свадьбе. И я считаю, что половина ее в любом случае принадлежит мне. И потому продолжаю тут жить.

Спорить с ней подруги не решились. Пусть с мужем решает свои жилищные вопросы. Да где он, муж-то? Пусть и бывший. Найти бы его еще.

– Не знаю, где он, – подтвердила их опасения Марина. – Отношения у нас совсем испорчены. Но думаю, что отец должен знать, где Борис.

Это было уже интереснее. Похоже, с отцом у Бориса отношения были куда лучше, чем с женой.

– Он его ближайший помощник и, могу сказать, правая рука в бизнесе, – подтвердила Марина догадку подруг. – Кроме Бориса у Виктора Алексеевича есть еще один сын и две дочери.

– Ого!

– Но он бездельник, а они законченные старые девы, и потому психопатки и истерички, – разоткровенничалась Марина. – Я и сама не могу похвастаться спокойным нравом. А в последнее время раздражительность из меня так и лезет. Прямо распирает меня. Но по сравнению с сестричками Бориса я сущий ангел.

И, затушив сигарету, Марина продолжила:

– Честно вам говорю! И не потому, что испытываю неприязнь к родичам Бориса. Просто – это чистая правда. И вообще, у них там настоящее осиное гнездо. Полный дом родственников. Все друг на друга зуб точат. А в свободное время прикидывают, как бы к Виктору Алексеевичу подмазаться.

– Зачем?

– Ради денег, естественно!

– Так отец Бориса богатый человек?

– Даже очень, – кивнула Марина. – То есть для Билла Гейтса, может быть, его состояние и несущественно. А для обычного человека очень даже завидно.

Подруги переглянулись. Вот и мотив покушений на Бориса вырисовывается. Старший сын наверняка наследник. Остальные могли пожелать его устранить, чтобы увеличить собственную долю в наследстве.

– А теперь, когда Виктор Алексеевич начал сдавать, родственники и вовсе ополчились на старшенького, – подтвердила Марина догадки подруг. – Ну, еще бы! Такие деньги на кону. Счета в европейских банках. Загородный дом на заливе. Квартира в городе роскошная. Впрочем, в квартире мать Бориса живет. Это только остальная родня вместе с Виктором Алексеевичем обитает.

– А почему мать Бориса живет не с мужем?

– Они в разводе, – пожалала плечами Марина. – Два года назад развелись. Виктор Алексеевич бывшей жене городскую квартиру оставил. И алименты. Только она все на себя тра-

тит. Свободных денег ни копейки у нее не остается. Поэтому к ней никто и не рвется. Весь основной капитал по-прежнему в руках Виктора Алексеевича.

Это было очень интересно. Но все равно не объясняло, какого черта Борис надумал угощать отравленными конфетами Киру. Или его в свою очередь кто-то угостил? Человек, которому он доверял на все сто процентов! И кто он? Но для ответа на этот вопрос нужен сам Борис. А где его искать, Марина уже сказала.

– Другого адреса я не знаю, – развела она руками. – Конечно, Борис мог где-то снимать жилье, мог купить, мог жить у женщины. Не знаю. Во всяком случае мне он о своем новом месте жительства ничего не сообщил.

– Что же, – вздохнула Кира, – не будем отчаиваться. Человек – не иголка. Найдется.

– Ага. Съездим к этому Виктору Алексеевичу. Раз Борис – его любимчик и к тому же ведет дела фирмы, то отец должен знать, что происходит с его сыном.

Со слов Марины подруги знали, что в загородный поселок, где выстроил себе хоромы Виктор Алексеевич и куда постепенно стянулась его многочисленная родня, так просто не попадешь. Нужен был пропуск. И чтобы его получить, подруги позвонили Виктору Алексеевичу. Трубку сняла женщина. По голосу совсем еще не старая, но уже и не слишком юная.

– Папа отдыхает, – ответила она. – Что ему передать?

– Скажите, что мы звоним по поводу его сына – Бориса.

– Борис! – воскликнула девушка. – Вы что-то о нем знаете! Вы его видели? Когда?

– Вчера вечером.

– Вчера! Вечером! Лена! Нина! Борис нашелся!

Сердце у Киры упало, едва она услышала последнюю реплику девушки. Значит, у отца Борис тоже не появлялся, если его там ищут! Но все равно Кира решила, что съездить нужно. И так как девушка очень эмоционально отреагировала на ее звонок, Кире не составило труда добиться, чтобы та оформила ей и Лесе пропуск через КПП поселка.

– Конечно, я скажу охране! – пообещала девушка. – Когда вас ждать?

– Через час, думаю, мы подтянемся.

Ровно через час подруги на такси подъехали к шлагбауму, преграждавшему дорогу. У домика охраны стояли дюжие молодцы с автоматами в руках, всем своим видом показывая, что обитателям поселка нечего опасаться незваных гостей. Подруг подвергли пристрастному допросу. И лишь убедившись в их благонадежности, а также в том, что они именно те, за кого себя выдают, пропустили на территорию поселка. Шоферу такси пришлось остаться за его пределами.

– Про мужчину никто указаний нам не давал, – твердил охранник. – Он войти не может.

– А как же нам до нужного дома добираться? – рассердилась Леся. – Пешком?

– И чего? Тут недалеко! Номер дома мы вам скажем.

И сколько ни спорили подруги, переубедить тупого дети-ну им не удалось. Пришлось топать по дорожке. Еще хорошо, что она была заасфальтирована, а вдоль нее тянулись живо-писные бетонные или кирпичные заборчики. Глухие и на-дежные, как и охрана на въезде в поселок.

– Мне тут не нравится, – заметила Леся. – За таким забо-ром убьют, никто и не заметит. Никакая охрана не спасет.

– Мы пришли, – вместо ответа сказала Кира. – Вот их дом.

– Ничего, – одобрила Леся. – Добротный.

Дом и в самом деле производил внушительное впечат-ление. Основательный, выстроенный из кирпича, оштукату-ренный и покрытый приятной салатовой краской. По пери-метру цокольный этаж со встроенным гаражом был облицо-ван диким камнем. Перед домом росли хвойные декоратив-ные растения. Они здорово вымахали, и их никто не под-стригал, отчего подход к дому казался несколько мрачнава-тым.

Калитку подругам открыл здоровенный дядька с масля-нисто блестящими губами, словно он только что встал из-за стола, наевшись блинков. За ним маячили еще два амбала помоложе.

– Вы к кому? – хмуро уставился старший на подруг, не собираясь пропускать их внутрь.

– Дядя Митя! Пропусти! – раздался еще один голос за спиной хмурого верзилы. – Это по поводу Бориса! Я тебе

говорила!

Дядя Митя посторонился. Но любезней не стал. Зато де-вушка, подскочившая к подругам, своего волнения не скрывала.

– Где он? Говорите, где он? – теребила она подруг. – Говорите же! Где он шляется столько времени?

Голос ее внезапно стал злым.

– Нельзя же быть таким жестоким. Ну, поспорился, наговорил лишнего. Зачем же отца-то мучить? Он и так совсем плох. Борька – жуткая скотина! Будь я на месте отца, просто выгнала бы его вон!

– Заглохни, Нинка, – неожиданно произнес дядя Митя. – Договоришься у меня!

– Тебя вот спросить забыла!

– Пигалица! От горшка – два вершка, а туда же! Старших судить лезешь!

Подруги невольно хихикнули. Нина выглядела лет на тридцать – тридцать пять. И пигалицей ее можно было назвать разве что в шутку. Но Нина шуток не понимала. И потому вопила на дядю Митю. Тот тоже в долгу не остался.

Обстановка накалялась. Забыв про Бориса, дядя и племянница, кажется, готовились сойтись в рукопашной. На чьей стороне будет перевес, предположить было нетрудно. Поэтому подруги решили вмешаться в начинающуюся ссору. Беседовать с мрачным мужиком им представлялось делом затруднительным и к тому же малоприятным. Куда ин-

тересней поболтать с Ниночкой.

– Нина! – вклинилась между дядей и племянницей Ки-
ра. – Мы же хотели поговорить про Бориса. Он попал в беду.

Дядя и племянница замолчали и, уставившись на Киру,
дружно ахнули:

– Что?!

– Что с ним?! Он жив?!

– Мы не знаем.

– Ой! – побледнела Нина. – Что будет! Отец не переживет,
если с ним что-то случится!

В это время к калитке подошла еще одна девушка. Она
была младше Нины. И похоже, это была ее младшая сестра.
Во всяком случаи фигуры у девушек были словно вылепле-
ны одним мастером. Попы, бедра, ляжки и вообще нижняя
часть туловища у сестер были непропорционально тяжелы-
ми по сравнению с длинными шеями и тонкими руками. За-
то ноги были голенастые и жилистые. Младшей, ей вряд ли
исполнилось тридцать, помогал держаться в форме возраст.
А вот старшей рассчитывать было уже не на что.

– С кем случится? – поинтересовалась младшая, уловив
последнюю фразу сестры. – И что случится?

– Борька при смерти! – оповестила ее заполошная Ниноч-
ка, уже успевшая сделать свои далеко идущие выводы из слов
подруг.

– Ой! – совершенно похожим образом побледнела млад-
шая сестра и, посмотрев на подруг расширившимися глаза-

ми, спросила: – Скажите, он в больнице, да?

– Вы приехали нам об этом сообщить? Что, он умирает?

– Может быть, уже умер? Надо хоронить? Нина, только папе пока ничего не говори! Он не переживет!

– Сами и похороним, – деловито кивнула Нина. – Пусть отец думает, что Борька жив, просто пропал без вести.

Это не лезло уже ни в какие ворота! Сестры буквально не давали подругам и рта раскрыть. Но неожиданно помощь растерявшимся подругам пришла с той стороны, откуда они не ждали. Бородатый дядя Митя шагнул вперед и гаркнул:

– Цыц, мелюзга! Чего расшумелись? Дайте же людям нормально сказать!

Сестры замолчали. И, одинаково вытянув и без того длинные шеи, воззрились на подруг. Сейчас они больше всего напоминали индюшек. Даже головы у них тряслись. При этом носы у них были крючковатые. А нрав не самый спокойный. Да уж, не повезло девушкам, что и говорить. Разве что богатое приданое окупит недостатки их внешности и характера.

Тем не менее окрики дяди Мити возымели действие, девицы замолчали на достаточно долгое время и более или менее связно смогли изложить, что происходит с их братом.

– Выходит, Борис до сегодняшнего дня жил в вашем доме? А сегодня съехал? Почему?

– Это нам совершенно не понятно, – ответила Леся. – О возвращении хозяйки квартиры он знать не мог. Об этом даже ее близкая подруга, которая и пустила вашего брата по-

жить у нее, не знала.

– Но еще более странно, откуда у вашего брата оказалась коробка с отравленными конфетами.

Но Нина к этому известию отнеслась неожиданно легкомысленно.

– Это как раз не новость, – отмахнулась она.

И, увидев изумленный взгляд подруг, пояснила:

– За последние два месяца на жизнь Бориса было организовано целых три покушения.

– Три?

– Да! И это только те, о которых он нам рассказал.

– Не мог не рассказать, – вмешалась младшая.

– Можно поподробней о них узнать?

– Чего там узнавать? – пожала плечами Нина. – Один раз какой-то человек едва не столкнул Бориса на рельсы как раз перед проходящим поездом.

– И еще два раза на Бориса нападали на улице, – добавила младшая сестра – Рина. – Один раз его выручил милицкий патруль. А во второй ему самому удалось отбиться.

– Да, потому что после первого нападения, когда его спасла милиция, Борис приобрел разрешение на ношение оружия. И стал всюду таскать с собой пистолет. Ну, с его помощью и отпугнул злодеев. Те не ожидали, что он начнет стрелять. И удрали.

– Но поранить его они все равно успели.

– Очень легко, – вмешался в разговор дядя Митя. – Ко-

стяжки пальцев содрал. И то сам. А на скуле совсем небольшая ссадина осталась.

– Но кровь шла!

– Хлестала! Всю одежду стирать пришлось.

Подруги изумились еще больше. Выходит, правда, что на Бориса были покушения. Старая актриса ничего не нафантазировала. Борису грозила опасность. Но от кого же она исходила?

– Мы не знаем, – покачали головами сестры.

Но при этом они так многозначительно переглянулись, что без слов становилось ясно. Может быть, и не знают, но точно догадываются. Да и дядя Митя ничего утаивать от подруг не стал.

– Чего тут думать! – гаркнул он. – Это все Людкины проiski! Вот шалава подзаборная! Мало ей того, что она уже у нас всех оттяпала. Еще и на Борькину часть зарится!

– Людка – это кто? – обратилась к сестрам за разъяснением Леся.

– Папина жена.

– Наша мачеха.

– А вон и она сама! – закончили сестры хором.

Леся тоже обернулась и увидела спешащую к ним девушку. На вид ей было двадцать три – двадцать пять лет. Настоящая красавица. Ее полностью сформировавшаяся фигура была поистине чудом совершенства. Девяносто – шестьдесят – девяносто. И к этому прилагались еще длинные ноги и без-

упречной формы руки. На нежном лице выделялись пухлые губки и большие чуть раскосые глаза такого глубокого синего цвета, что невольно на ум приходила мысль о контактных линзах.

– Помяни нечистую силу, так и... – заворчала Нина.

Леся изумилась. Ей приближающаяся женщина показала гением красоты. При чем тут нечистая сила? Если уж кто и напоминал ведьм, так это сами сестры – Нина и Рина. Они не скрывали своей злобности, которая нарастала по мере того, как к ним приближалась Люда.

На красивом лице женщины застыло выражение озабоченности.

– Нина! Рина! Девочки! Что же вы задерживаете гостей! – произнесла она с легким укором, но ее голос прозвучал мелодично. – Вы же знаете, как ваш отец торопится узнать любую новость о Борисе!

И, устремив на подруг такой синий взгляд, что тем захотелось просто удавиться от зависти, она спросила:

– Ведь вы же привезли новости о Борисе? Верно?

Нина ехидно улыбнулась.

– Подслушиваешь, Людочка?

– Когда ты говоришь, то и стараться особо не надо! – отбрила ее та. – Твой голос на весь дом слышен. Что? Я не права?

Никто, даже Рина, не набрался мужества отрицать всем очевидный факт. И посрамленная Нина была вынуждена от-

ступить. А торжествующая Люда повлекла подруг за собой. Сестры и все такой же мрачно насупленный дядя Митя двинулись за ними.

– Представляю, что вам про меня наговорили мои милые падчерицы, – говорила Люда. – Но вы им не верьте. Конечно, я не самая лучшая мачеха на свете. Я не позволяю им лениться и гоняю на учебу. Чего их драгоценная матушка и не думала делать. Зачем, думала она? Отец обязан обеспечить своих великовозрастных доченек приданым, чтобы они могли наконец выйти замуж. Но разве это справедливо? Вы же их видели?! Да чтобы их выдать замуж, всего состояния Виктора Алексеевича не хватит! И потом, их отец не вечен. А деньги имеют свойство тратиться. И дети Виктора должны свыкнуться с мыслью, что, вполне возможно, им придется самим пробивать себе в этой жизни дорогу. И чем раньше они этим займутся, тем будет лучше в первую очередь для них же самих.

Перебить ее монолог подруги не решились. К тому же в глубине души девушки были с ней согласны. Но только отчасти. Заботясь о самостоятельности падчериц, Людмила явно забывала о том, что и сама могла бы заняться чем-нибудь иным, а не бездельничать за спиной мужа.

– Вот я занимаюсь, – как бы прочла мысли подруг Люда. – На мне весь дом. И Виктор Алексеевич нуждается в постоянном уходе. Упрекнуть меня в безделье не сможет никто.

Впрочем, как отметили подруги, в доме имелся большой

штат прислуги. Так что на ниве домашнего хозяйства Людмила не перенапрягалась. Да и уход за больным осуществляла профессиональная медсестра, которая жила в доме постоянно. Да уж, и мачеха, и дети явно старались перетянуть одеяло сытой, благополучной жизни на себя. И при этом еще удачно подобраться к главной кормушке.

Виктор Алексеевич встретил подруг, сидя в кресле. Это был пожилой мужчина с густой гривой седых волос, которые он зачесывал назад. Лицо у него было чисто выбрито. И глубокие морщины, идущие от носа к углам рта и расположившиеся горизонтально на высоком благородном лбу, как-то Виктора Алексеевича не портили.

Он был укутан в плед, несмотря на то, что в комнате жарко полыхал камин. Да и выглядел Виктор Алексеевич не таким уж слабым и больным, как подругам представлялось по описанию родственников. Во всяком случае умирать прямо сейчас он явно не собирался. И, выслушав рассказ подруг, за валидол хвататься тоже не спешил.

– Так вы говорите, что Борис снял квартиру в вашем доме? И жил там последние несколько дней?

– Не совсем снял. Просто одна добрая женщина пожалела беднягу, на которого была устроена настоящая охота. И предоставила ему надежное убежище.

– Да, Борис всегда умел найти подход к женщинам, – произнесла появившаяся в гостиной Нина, бросив полный ненависти взгляд на мачеху.

Та побледнела, но удар выдержала. И сделала вид, что Ни-нино замечание вообще брошено в пустоту. Подруг эта эскапада падчерицы тоже заинтересовала мало. Ну, был у Бориса романчик с молодой мачехой, так и что с того? Эти двое гораздо больше подходили друг другу по внешности, возрасту и темпераменту, чем законные супруги.

К тому же подруги уже поняли, что Бориса в этом доме нет. И никто из близких понятия не имеет, где он может находиться. А стало быть, Бориса им придется разыскивать самим. И самим же добиваться от него правды об отравленных конфетах. Ибо подруги помнили, что обвинение было снято с них только условно. И при первой же возможности менты могут вернуться к своим старым подозрениям на их счет.

А если выплывет та мутная история с попыткой изнасилования Иннокентием Павловичем в ресторане Киры, то у ментов может появиться еще и мотив, почему подруги могли пожелать отправить старого сластолюбца на тот свет. И тогда им придется совсем скверно.

И подруги решили – кровь из носа, но они добьются от родственников Бориса правды о том, кто покушался на жизнь молодого человека. Впрочем, с Виктором Алексеевичем поговорить им на эту тему не удалось.

– До обеда мне необходимо принять лекарства, – произнес он. – Процедура это непростая и требует много времени. Так что извините, сейчас я вынужден вас просить удалиться. Но после обеда я обязательно поговорю с вами.

Подруги восприняли его слова как приглашение остаться. И они остались. А что им еще было делать? Расследование-то надо продолжать. А других идей, где им искать Бориса, девушкам в голову пока не приходило.

Глава 5

Обед прошел скучно. Готовили в доме Виктора Алексеевича исключительно по его вкусу. То есть ничего жирного, соленого, острого, жареного или копченого. Вина не полагалось. Приправ тоже. Подруги запивали безвкусные куриные котлетки, приготовленные на пару, такой же безвкусной минеральной водой. И меланхолично жевали варенную без соли цветную капусту. Ничего отвратительней в своей жизни они не ели.

Все домашние тоже морщились. Но ели и даже время от времени, когда сталкивались глазами с Виктором Алексеевичем, еще и нахваливали полезную диетическую пищу.

– А папенька-то, похоже, у них деспот, – прошептала Леся. – Если болеет, сам бы и жрал свою бурду диетическую. Зачем остальных мучить?

– Угу, – пробурчала Леся, с отвращением глядя на капусту. – И особенно гостей. Что мы-то ему сделали?

Но никто не жаловался. И после удручающе здорового обеда на десерт подали фрукты и сыр. Фруктами подруги и утолили терзающий их голод. Испортить фрукты повару не удалось. А вот сыр был деревенский. И опять же сухой и совершенно несоленый. По вкусу он напоминал кальцинированный хлористым кальцием творог. Гадость несусветная.

После такого обеда никто в хорошее расположение духа

не пришел. Наоборот, все были раздражены и настроены еще более агрессивно друг к другу. Едва Виктор Алексеевич удалился к себе, как обвинения, колкости и подначки так и посыпались из уст родственников. Так что подруги быстро поняли, что тут созрела почва не для одного убийства. Так почему же начать решили все же с Бориса?

Ответа на этот вопрос по-прежнему не находилось. Пока внезапно Рина не произнесла:

– Может быть, Валькирия знает, где сейчас Борис.

– Валь... Кто?

– Валькирия. Невеста Бориса.

У Киры отвисла челюсть. Ну и Борис! Ну и ходок! Ладно Марина, она хоть и жена, но бывшая. Супруги развелись, Борис обрел свободу, так что Кира отнеслась к знакомству с ней довольно спокойно. Но тот факт, что у Бориса, оказывается, еще имелась и невеста с труднопроизносимым именем, сразил ее наповал.

– А это и не имя вовсе, – засмеялась Нина.

– Это мы ее так прозвали, – добавила ее сестра.

– Потому что она мужеподобная и воинственная, – кивнула Людмила.

– Такой копьё в руки и меч – враз бы всех положила! – не остался в стороне и дядя Митя.

Отрадно было видеть, какое трогательное единодушие выказали все враждующие стороны, едва речь зашла о невесте Бориса. Они мигом объединились и дружным кланом про-

демонстрировали свое порицание захватчице.

– Ей только папин бизнес и нужен! – заявила Нина. – Она на него давно нацелилась!

– А она вообще кто?

– Наша главная конкурентка.

– В смысле не наша, а папиной компании. На рынке. Она занимается поставками сырья для пищевой промышленности. Всякие там химические стабилизаторы, красители, эмульгаторы и прочая ерунда, без которой теперь ни одна колбаса или даже творожный сырок не изготавливаются.

– Понятно, – произнесла Кира.

– Нет, ничего вам не понятно, – помотала головой Рина. – Она папину компанию к рукам прибрать мечтает. Потому и в Бориса вцепилась.

– А он?

– Он считает, что объединение пойдет нам только на пользу.

– А Виктор Алексеевич против?

– Папа пока размышляет. Но мне кажется, что ему эта идея не нравится. Хотя Валькирию он в доме принимает.

– А Борис без отца может решить, объединяться ему с Валькирией или нет?

– Только в личном плане. То есть пожениться они могут, отец этого ему не запретит. Борис ведь совершеннолетний. Но объединение двух компаний – это будет решать именно отец. Он главный.

И, посмотрев на подруг, Рина нерешительно произнесла:

– Послушайте, может быть, вы поговорите с Валькирией?

Спросите у нее, где Борис?

– А почему бы вам самим не?..

– Мы не можем! – затрясла головой Рина. – Отец на нее сердит.

– И запретил нам всем с ней общаться, – добавила старшая Нина. – Категорически!

Что же, кое-что подругам стало ясно. И, получив у сестер телефон невесты Бориса, они ей позвонили. А поговорив немного, встретились на Малой Садовой улице в симпатичном уютном подвальчике, где подавалось китайское вино и при этом клялись, что оно действительно из Китая. К тому же тут готовили восхитительную кисло-сладкую свинину и жаркое из грибного ассорти.

После обеда в доме Виктора Алексеевича подруги направились на китайскую кухню, словно только что спаслись из осажденной крепости. Вначале они даже говорить не могли. И только ели и наблюдали за Валькирией.

В быту невеста Бориса обходилась куда менее звучным именем, чем ее прозвище. Звали ее Ириной. И оказалась она здоровущей девахой с круглыми румяными щеками, напоминающими два наливных яблока. Китайские палочки в ее руках утонули, словно две спичечки. И, отбросив их в сторону, она принялась деловито орудовать вилкой.

Машинально отметив, что исчезновение жениха аппети-

та у Ирины не отбило, подруги приступили к разговору. Но быстро поняли, почему столь молодая девица получила свое прозвище. Характер у нее был пробивной. Во всяком случае она всячески старалась подчеркнуть именно это свое качество.

– Компанию я унаследовала от отца. И сразу решила, что должна одна остаться на рынке. Можете называть это монополизмом. Если это так, то я монополистка. И в жизни, и в любви. Что мое, то мое. Вот и Борис, я его захотела и обязательно получу!

И она довольно расхохоталась. А подруг передернуло. Обычно полные люди бывают милыми и добродушными. И к себе располагают хотя бы уже тем, что толще вас. На их фоне вы без особых проблем можете выглядеть стройной и изящной. Но вот жирная Валькирия тем не менее симпатии к себе не вызывала. Скорее – наоборот.

– Какая-то она наглая, – поделилась Кира своими соображениями, когда они с Лесей на минутку выскользнули из-за стола.

– И глупая! Надо же, думает, если у нее деньги и компания, то жених будет у нее в кулаке сидеть и не пикнет. Какой полноценный мужик захочет быть под пятой у бабы?!

– Она еще молодая, – попыталась заступиться за Валькирию Кира, но в Лесю словно бес вселился.

Она так злилась, что Кира даже удивилась.

– Теоретически – это я должна ненавидеть Валькирию.

Ведь Борис ухаживал за мной. Значит, я и должна ревновать и злиться на соперницу.

– И чего? Не ревнуешь?

– Нет, – призналась Кира.

– Борис не очень нравится?

– Невеста не кажется мне достойной соперницей. Ясно же, что о любви, что бы там девушка себе ни воображала, речи в данном случае не идет. Валькирия хочет Бориса, хотя и прикрывается интересами компании. А тот задумал прибрать к рукам компанию невесты, но скрывает свой замысел под маской внезапно вспыхнувшей любви к глупой толстухе.

– Будь она такой уж глупой, отец не доверил бы ей свою компанию.

– Может быть, я ошибаюсь. Но тогда Валькирия потрясающая актриса.

Вернувшись за стол, они продолжили разговор. Валькирия сделала удивленное лицо, когда они сообщили ей, что Борис прожил в их доме несколько дней, скрываясь от неизвестного убийцы. И вообще заявила, что все это глупости. Борис скоро найдется, и они поженятся. Около получаса она бойко распространялась на эту тему, пересказывая сценарии свиданий, на которые ее приглашал Борис, и просматривая варианты свадьбы, которую она планировала сыграть уже в следующем месяце.

Надоела она подругам до чертиков. У них даже голова разболелась. А когда Валькирия, прихватив с собой две порции

лапши с осьминогом, распрощалась с подругами и наконец ушла, они были счастливы. Хотя и задумчивы.

– Если она так уверена в своих чарах, почему вообще решила с нами встретиться? Она же вумен, леди, у нее должна быть целая куча дел. К чему ей эта пустая встреча?

– Ты вот что оцени, если она такая уж крутая, почему оплатила только свою часть счета? – рассматривая бумажку, произнесла Леся. – И даже чаевые официанту зажала.

– В самом деле?

– Ага.

Кира тоже заглянула в счет. Что-то привлекло в нем ее внимание.

– Давай-ка мы за этой девушкой проследим, – нахмурившись, произнесла она.

Какой ассоциативный ряд выстроился между суммой в счете из китайского ресторана и слежкой за невестой Бориса, Леся так и не уразумела. Но спорить не стала. Идея показалась ей плодотворной. Валькирия явно чего-то недоговаривала. Если только откровенно не врала.

Они выскочили из ресторана и обнаружили, что Валькирия садится в свою машину. Машина у нее была массивной, высокой, не совсем новой и уж точно совсем не женской.

– Наверное, тоже папино имущество, – заметила Кира.

Леся не ответила. Она ловила такси. Кирина «десятка» находилась на станции техобслуживания, что-то ей там меняли, регулировали и подтягивали. Что именно, в такие тонко-

сти ни Кира, ни тем более Леся никогда не вдавались. Но в итоге сегодня подруги были без колес. И как назло, ни одного свободного таксиста поблизости не наблюдалось. А частники то ли торопились домой к семьям или к юным подружкам, но никто не спешил тормозить возле голосующих подруг.

– Что ты руками машешь и все без толку? – рассердилась Кира.

– А чем мне махать? Ногами?

– Маши чем хочешь! Только поторопись! Ведь уйдет же девица! Лови машину!

– Я и ловлю.

И, покосившись на подругу, Леся откинула полы пальто и оголила коленку, выставив на всеобщее обозрение свою ножку, обутую в высокий белый сапожок на высоченной шпильке. Для убедительности она еще и помахала ею в воздухе. Тут же раздался бешеный скрип тормозов, и возле подруг остановилась порядком побитая жизнью «Ауди».

– Куда едем? – игриво поинтересовался у них пожилой водитель.

Он тоже был какой-то помятый, как и его ржавая тачка. Но самодовольства в нем хватило бы на десяток владельцев новеньких иномарок – только что с парома из Финляндии. Днище у авто-развалюхи было заботливо, но в высшей степени уродливо замазано чем-то вроде коричневой мастики. И это при том, что машина просто рассыпалась на части.

Водитель поглядывал на подруг снисходительно, словно

делал им великое одолжение, позволив сесть к себе в воняющий бензином и старыми тряпками салон. Кира моментально почувствовала острое желание наговорить шоферу гадостей. Но сдержалась, так как привередничать им с Лесей особенно не приходилось. Валькирия уже отъезжала от тротуара, а других желающих взять на борт двух подруг не наблюдалось. И Кира пересилила себя.

В конце концов, чем они рискуют? Он один, а их двое. И подруги резво вскочили в рыдван.

– Вот за той черной «Хондой»! – распорядилась Кира.

– Хорошо. А кто там на ней? Если братки, так я ввязываться в криминал не стану.

– Дядя, ты что, слепой? Какие братки? Девушка там!

– А! Если девушка, тогда лады. А симпатичная девушка-то?

– Не про тебя. У нее жених есть.

Кажется, шофер был расположен еще немного поболтать. Но подруги отказывались поддерживать темы, которые он предлагал. И наконец до мужчины дошло, что он подругам просто не интересен. Тогда он обиженно надулся и замолчал. Они ехали за «Хондой» уже с четверть часа, когда внезапно их шофер заерзал и забеспокоился.

– Эй, а подружка ваша за город намылилась. Скоро пост, а она и не думает сворачивать.

– И что?

– Я за город вас везти не подряжался! Темнеет уже. Кто

вас знает, заманите в чашу, меня грохнете, а машину на запчасти разберете.

Кира даже присвистнула от восторга.

– Дядя, ты вообще трезвый? Или просто больной? Ты скажи честно, ты свою машину когда в последний раз на техосмотр гонял? Году этак в девяностом?

– Почему?

– Да потому что потом она по возрасту ни один техосмотр пройти бы не сумела. На ней живого места от ржавчины нету! Куда там ее на детали? Ее на кладбище, на отдых давно пора. Только изверг вроде тебя может эксплуатировать несчастную бибику.

Шофер снова обиделся. Засопел носом в клочковатые усики. И явно приготовился высаживать подруг. Но Леся словно бы невзначай снова оголила свою коленку. И мужик тотчас передумал. И даже сделал попытку незаметно потрогать Лесину коленку.

– Вы ручку передач включите, а свою собственную, шаловливую, держите от меня подальше, – предупредила его Леся. – А то я вам ее сломаю.

Мужчина что-то проворчал в усы. Кажется, не слишком восторженное. Но больше попыток дотронуться до Леси не делал. В напряженном молчании они доехали до Белоострова. И «Хонда» свернула с трассы на асфальт. А потом с асфальта на грунтовку.

– Все! – неожиданно взъерепенился шофер. – Дальше не

повезу! Сами топайте!

И сколько ни стыдила его Кира, сколько ни оголяла Леся свои коленки, он и с места не сдвинулся. Даже увеличение платы ровно в два раза погоды не сделало.

– Не поеду! И не просите!

– Какой вы осторожный! Прямо трусливый!

– Не поеду!

– Черт с тобой! – разозлилась Кира. – Так и знала, что малохольный. И нечего было пальцы веером гнуть. Настоящие мужчины на таких убитых колымагах не ездят!

– Трус!

– И подлец!

Последнее Леся крикнула уже вслед отъезжающему водителю.

– Это уж ты слишком! – укорила ее Кира.

– Нет, ну в самом деле! Оставил нас одних буквально среди леса! А ведь в самом деле темно. Сам сказал, что боится. А нас высадил, и ничего у него не дрогнуло.

– Благородные герои не каждый день встречаются.

И, обнявшись, подруги потопали по дороге в ту сторону, куда укатила на своей «Хонде» Валькирия. Шли они около получаса. Замерзли, промокли и уже подумывали, чтобы повернуть назад, но внезапно впереди мелькнули огни. Мелькнули и погасли. Но через минуту послышался шум двигателя. И вспыхнули огни фар.

– Слушай! Кажется, кто-то едет!

Навстречу подругам и в самом деле ехала машина. Они едва успели спрятаться за кустами вдоль обочины, как мимо них проехала знакомая «Хонда».

– И что теперь? – выбравшись обратно на дорогу, спросила Кира. – Что нам тут делать? Валькирия уехала. Пошли и мы назад?

– погоди. Не горячись. Там впереди был свет.

– Ну да, вроде был.

– Точно был! И он погас, за минуту до того, как Валькирия села в машину и завела двигатель.

– И что?

– Похоже, она была на даче. Уходя, погасила свет. Села в машину и поехала назад в город.

– Может быть, – просчитав в уме алгоритм действий Валькирии, согласилась с ней Кира. – А нам что с того?

– Раз уж мы забрались в такую даль, давай посмотрим, как живет Валькирия. Заодно и обогреемся. Потому что не знаю, как ты, а у меня зуб на зуб не попадает.

Мысль подруги показалась Кире разумной. Она и сама закоченела. И девушки двинулись дальше. Вскоре их взгляду предстала загородная резиденция Валькирии.

– Нельзя сказать, что тут роскошно, – заметила Кира.

Дачка и в самом деле выглядела так себе. Приземистый дом. Большой, но какой-то неуклюжий. С многочисленными пристройками, клетушками и сараюшками.

– Но зато тут вряд ли есть сигнализация, – нашла положи-

тельную сторону Леся. – И охраны никакой. И соседей поблизости не видать.

– А это значит, мы тут сможем обогреться и даже чайку попить.

– И ничего нам за это не будет!

С замком подруги справились играючи. Как и ожидалось, запасной ключик доверчиво дожидался их под резиновым ковриком перед входной дверью. Отворив дверь, подруги вошли в дом. Включили электричество и сразу же почувствовали, что жизнь не такая уж скверная штука. Вода еще оставалась в ведре. И Кира полезла ставить чайник. Но внезапно замерла, так и не донеся его до уже включенной плиты.

– Что такое?

– Бритва.

– Что?

– Бритва, – повторила Кира. – Мужской бритвенный станок. Мокрый.

Леся взяла из ее рук чайник. Поставила на огонь. И только после этого согласилась взглянуть на бритву.

– Ну и что? Может быть, Валькирия ноги себе побрила.

– Здесь? Где ни горячей воды, ни удобств? И потом Валькирия рыжая. А посмотри на волосы, которые остались на станке. Они явно не ее.

Волосы и в самом деле были темные, жесткие и совсем короткие. Не длинней миллиметра.

– Это мужчина брился, – заявила Кира. – Точно тебе го-

ворю! Щетина со щек.

– Какой мужчина? Тут никого нет!

– Есть, – упрямо произнесла Кира. – Он тут! Валькирия приехала, покормила его, побрила и снова спрятала. И мы должны его найти.

– Должны? Кира, ты уверена? Все-таки лес кругом. А он мужчина. Прячется. Может быть, он не захочет, чтобы его находили?

Но в это время до подруг донесся какой-то приглушенный звук.

– Тс-с-с! – схватила Кира подругу за руку. – Слышала? Что это?

– Вроде бы чей-то стон.

Подруги прислушались. И стон повторился.

– Это где-то внизу!

Девушки принялись шарить по полу в поисках люка. Он нашелся в прихожей, укрытый ковриком. Откинув его, они распахнули люк. Стоны стали явственней. И теперь было совершенно очевидно, что идут они именно из подвала. Мгновенно скатившись по лестнице, подруги оказались в темноте. И, сделав несколько шагов, наткнулись на какие-то ящики.

Что-то зашебуршило и закачалось. А потом раздался звук, словно упало и разбилось стекло. Еще и еще! А в воздухе остро запахло огуречным рассолом.

– Эй! – позвала Кира. – Кто тут?

Тишина!

– Кто тут стонал?

Голос у Киры дрогнул. А позади нее раздались тихие, угрожающе тихие шаги.

– А-а-а! – заверещала Кира.

И вдруг в подвале вспыхнул свет. На самом деле вспыхнул – это было слишком громко сказано. Он тускло засветился. Но и маленькой лампочки в сорок ватт под потолком оказалось достаточно, чтобы Кира сумела рассмотреть лежащего на полу мужчину. Он был буквально засыпан банками с домашними консервами. Часть из них к тому же разбилась при падении стеллажа, который свернула Кира, топчась по подвалу в поисках выключателя. И сейчас голову мужчины украшала веточка укропа, а сам он был буквально усыпан солеными огурчиками и залит рассолом.

Зрелище было до того трогательное, что Кира даже умилилась. Но тут за ее спиной снова раздался шорох. И она мгновенно вспомнила все свои страхи. Она уже открыла рот, чтобы снова завопить, как раздался голос Леси.

– Как ты думаешь, он жив? – спокойно подойдя сзади, спросила она у Киры.

Поняв, что она спрашивает о лежащем мужчине, Кира присмотрелась к нему повнимательней. Он был так густо засыпан патиссонами, помидорами, перцем и черемшой, что сначала она его не узнала. Но маленько расчистив с его лица маринованные вкусности, изумленно воскликнула:

– Борис! Господи, он тут!

– Ты его знаешь?

– Конечно! Это Борис.

– Тот самый?

– Не говори ерунды! Разумеется, тот самый! Помоги мне его привести в порядок.

Для этого подругам пришлось основательно потрудиться. Бедолаге Борису здорово досталось по голове трехлитровой банкой. На лбу у него вздувалась громадная шишка. И приходить в себя Борис решительно не желал. Лишь стонал что-то сквозь стиснутые зубы.

– Ужас! Мы его убили!

– Он парень крепкий! Столько покушений на свою жизнь пережить. Очухается!

И Кира оказалась права. Через пару минут Борис открыл глаза и осмотрелся по сторонам. Его бегающий взгляд остановился на подругах. Но, кажется, он никого, в том числе и Киру, не узнавал.

– Что со мной? – прошептал он. – Что это было?

– Смотря по тому, что ты помнишь, – уклончиво отозвалась Кира.

Борис некоторое время всматривался в ее лицо. Потом поднял руку и хлопнул себя по лбу.

– Кира!

Хлопать по голове ему было совершенно противопоказано. Он попал по шишке. Болезненно сморщился и снова застонал.

– Эта стерва меня похитила, – простонал он, перестав ежиться и стонать.

– Какая стерва?

– Вы видели тут в доме много стерв?

Подруги могли назвать как минимум двоих. Но интуитивно почувствовали, что будет лучше Бориса не расстраивать.

– Ты имеешь в виду свою невесту? – догадалась Кира.

– Она мне больше не невеста. Жениться на такой – себя не любить! Прав был отец, она конченная идиотка! И отец у нее этим же диагнозом страдал. И почему я, дурак, старших никогда не слушаю!

– Ты хочешь сказать, что Валькирия тебя сюда привезла насильно?

– Да!

– Но если тебе тут не нравится, почему ты не ушел?

Борис хмыкнул. И, пошевелив ногой, произнес:

– А это вы видели?

Со все возрастающим возмущением подруги увидели, что на его правой ноге надето что-то вроде толстого браслета, от которого тянется тонкая, но прочная цепь к стене.

– И где цепь только такую раздобыла! – со злостью произнес Борис. – Не порвешь.

– А ты пробовал?

– А то нет! Она сказала, космические технологии, блин! Не рвется и не деформируется.

– Ключ есть?

– У нее есть.

Кира задумалась.

– Тогда надо вызвать милицию.

Ей самой решение показалось просто гениальным. Но Борис неожиданно запротестовал.

– Не надо милицию! Только не милицию!

– Но почему?

– Будет шумиха! Все газеты напишут, что меня умыкнули и держали под замком, словно красную девицу. И кто? Собственная невеста! Это же позор! Нет, лучше смерть!

– Твоя невеста – она чокнутая, – попыталась вразумить его Леся. – Таким людям самое место в сумасшедшем доме.

Но Кира ее перебила:

– А зачем она тебя похитила?

– Ирка? Шут ее знает! – отмахнулся Борис. – Говорит, что из-за любви. Не хотела, чтобы я куда-нибудь от нее делся.

– А ты мог?

– Когда на меня начались все эти покушения, я решил спрятаться.

– Мы знаем.

– Знаете? – слегка растерялся Борис, но сразу же продолжил: – Ну так вот, Валькирии я не сказал, где прячусь. Но она каким-то образом меня выследила. Явилась ко мне.

– Куда?

– Ну, на ту квартиру, куда меня эта старая театральная калоша пристроила.

Кира поняла, что Борис говорит о Рите. Но вот тон, который он выбрал для разговора о пожилой женщине, которая прониклась к нему заботой и помогала, девушку покоробил. Впрочем, она тут же нашла оправдание. Бориса оскорбил поступок его невесты. Мужчина был озлоблен на весь женский род. Отсюда и грубость.

– А потом, после визита Валькирии я ничего не помню, – договорил Борис. – Когда очнулся, был уже в этом подвале. И на цепи.

Подруги переглянулись и вынесли единогласный вердикт:

– Точно чокнутая!

– И долго она собиралась держать тебя под арестом?

– До свадьбы.

– И она полагала, что ты после всего этого захочешь на ней жениться?

– Видимо, – пожал плечами Борис. – Не знаю. Честно говоря, я был так на нее зол, что уточнять ничего не стал.

Тем не менее при более внимательном осмотре выяснилось, что Валькирия и в самом деле отнеслась к своему пленнику неплохо. Цепь была достаточно длинной, чтобы он мог передвигаться по всему подвалу и включать верхний свет самостоятельно. Кроме того возле него стояла настольная лампа, очень красивая, но чисто женская, с орнаментом из сентиментальных розовых розочек. В таких же розочках и еще сердечках были книжки, лежащие горкой на полу возле матраса пленника.

Сам матрас был удобный и явно очень дорогой. Так же, как и постеленное на нем свежее белье. Подушки пуховые, а одеяло теплое и уютное. Правда, так было до того, как на ложе Бориса пролился рассол из множества попадавших и разбившихся банок. Но в целом уголок для содержания жениха первоначально был оборудован со всеми удобствами. И даже не без явного намека на уют.

– Она обо мне заботилась, – подтвердил Борис. – Печку принесла, чтобы мне тепло было. Кормила исправно. Хотя, конечно, когда сама готовила, то жрать еестряпню было невозможно. Но из ресторана вполне сносную снесь притаскивала. Кроме того соки и фрукты привозила. И даже крохотный солярий, чтобы у меня цвет лица не испортился.

– Прямо санаторий! – не удержалась от ехидного замечания Кира. – Ресторанная еда и солярий. Может быть, тебе все же на ней жениться? Ведь заботливая какая...

Борис содрогнулся. Похоже, до него стало доходить, что у него наметилась психическая травма, известная в психиатрии как «синдром заложника». Похищенный человек длительное время не видит никого, кроме своих похитителей. Из их рук он получает пищу, воду и все блага. И постепенно в нем начинает формироваться подобострастно-влюбленное отношение к злодеям.

– Девчонки! – взмолился он. – Освободите меня, а? Век вам благодарен буду!

– Хорошо. Но ты нам расскажешь все о покушениях на

твою жизнь.

– А вам зачем?

– Затем! – разозлилась Кира. – Затем, что когда тебя хотят убить, очень некрасиво притаскивать своей знакомой конфеты, полученные неизвестно откуда!

– А что с ними не так было?

– Это еще мягко сказано! В них была отравка!

– О!

Борис так побледнел, что это было видно даже в тусклом подвальном свете.

– Но ты ведь жива, Кира.

– Только благодаря счастливой случайности. Скорила твои конфеты одному надоеде.

– И он?..

– И он умер.

– О!

Снова он бледнеет! Кира даже разозлилась. Раньше думать надо было. Чего уж теперь в обморок падать.

– Давай говори живо, где взял конфеты? Кто тебе их подарил?

– Я все скажу. Мне их не дарили. Я их у отца дома взял.

– У отца? Дома?

– Ну да.

– Но зачем тебе чужие конфеты? Разве ты не в состоянии купить самостоятельно коробку конфет?

– Это мои любимые конфеты. И они были спрятаны.

– Тем более! Зачем брать спрятанное?

– Но я решил, что это девочки конфеты для меня специально купили, а потом спрятали, чтобы сделать сюрприз. Вот и взял коробку. Думал, что получится отличная хохма. Захотят подарить мне коробку, сунутся в тайник, а там и нет ничего.

– Более дурацкий розыгрыш трудно себе представить! – проворчала Леся.

– Согласен, у меня дурацкое чувство юмора!

И, сделав это признание, Борис взмолился:

– Слушайте, может быть, поищите уже ножовку или что-нибудь в этом роде?

– Чтобы разрубить цепь? Думаешь, у нас получится?

– Мой дед всегда говорил: что один человек создал, то другой завсегда разломать сможет. Давайте с цепью поэкспериментируем, а?

Подруги были не против. Им действительно было жаль Бориса, угодившего в такую переделку. Вот жизнь у человека! С одной стороны, его хотят убить, скармливают отравленные конфеты, сбрасывают кирпичи, давят машиной и даже стреляют. А с другой, прямо в затылок ему дышит сошедшая с ума от любви Валькирия, которая, если на то пошло, будет пострашней наемного убийцы. Да уж, положение у Бориса – не позавидуешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.